

След
Делой
ведьмы

АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

Детективъ минувших лет

Анастасия Логинова
След белой ведьмы

«Автор»

2020

Логинова А.

След белой ведьмы / А. Логинова — «Автор»,
2020 — (Детективъ минувших лет)

ISBN 978-5-17-136768-8

Кто не вернется домой до темноты – станет жертвой Белой ведьмы. Такова городская легенда, коей устрашают молоденьких девиц уездного уральского городка. Только юных блондинок и впрямь то и дело находят на окраинах города. Убитыми. Кошкин, бывший столичный полицейский, ныне ссыльный за провинность, не верит в легенду о ведьме. Он ищет душителя, а находит – останки девушки с косой блее снега. находка свяжет его с Алексом Риттером, таким же отверженным, потерявшим былое положение. Алекс вынужден жениться на дочке местного градоначальника, Лизе Кулагиной. А Лиза выбирает жениха сама, такого, который был бы ей удобен и не стеснял бы свободы. А еще у Лизы есть тайны. Много тайн. И страстное желание понять – что стало с ее матерью, пропавшей двадцать лет назад.

ISBN 978-5-17-136768-8

© Логинова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 2. Лиза	14
Глава 3. Алекс	19
Глава 4. Кошкин	27
Глава 5. Лиза	32
Глава 6. Алекс	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Логинова

След белой ведьмы

1893 год

Пролог

Зря ямщика не послушал, ох зря...

Алекс ступил еще раз, и тотчас нога выше колена провалилась в рыхлый февральский снег. Попробовал подтянуть вторую – да та увязла столь крепко, что, не устояв, он тяжело, почти плашмя, свалился в сугроб.

Снежный буран бушевал с такой силой, что и минуты не прошло, как его накрыло вторым таким же сугробом.

«Подниматься нужно, – билась в голове единственная мысль. – Подниматься живо да идти. Из последних сил».

Алекс и впрямь призвал все свои силы. Опираясь на здоровую руку, от натуги комкая в ладони снег, он чуть привстал. Принялся ступнями искать опору – да не выходило ничего. Ступней от холода он давно уже не чувствовал. Еще пока ехал в санях – и то не чувствовал. Ботинки ему порядочно жали.

Ботинки у Алекса были новые, модные, английские, из телячьей кожи тончайшей выделки. Отличные ботинки. Правда, форменным идиотизмом было надевать их для путешествия по лесу на Среднем Урале. Вот смеху-то будет, когда его найдут, окоченевшего – и в этих дурацких ботинках. В них и похоронят, наверное.

Ботинки Милли подарила. Нынешним Рождеством. С размером только не угадала, глупышка.

– Милли, Милли, Милли... – шептал Алекс, чувствуя губами снег, но совсем уже не чувствуя его холода. – Душа моя, любовь моя. Погибель моя.

Глаза не видели ничего, кроме проклятого белого снега. И – Алекс сдался. Закрыл их. Зажмурил. Напоследок поспешил вызвать в памяти любимое лицо и мягкие медно-рыжие кудри. Звонкий смех-колокольчик. Сладкий, тягучий аромат ее духов.

Алекс потянул носом, потому что и впрямь как будто почувствовал их...

А потом – что-то коснулось его лица.

Не снег.

Не вполне отдавая себе отчет, Алекс вновь поднял отяжелевшие веки и первым делом увидел перепачканный в грязи подол женской юбки.

«И где она грязь умудрилась найти?» – вяло думал он, как замороженный глядя на летящую по снегу нежно-розовую юбку в убористый мелкий цветочек.

Женщина (а судя по тонкому стану – девица, скорее) не заметила его, припорошенного снегом. Легко, будто по мощеной дороге, она прошла мимо. Невесомо взобралась на пригорок шагах в десяти от Алекса. Обернулась к нему.

«Босая... – только сейчас сообразил Алекс. – Босая – да по снегу. И платье на ней домашнее, хоть грязное, изорванное. Съехавшее с одного плеча и обнажившее ослепительно-белую (точь-в-точь как снег) кожу. И волосы белы, как тот снег, – распущены и летят по ветру. Только губы яркие. Словно кровь».

Так он и смотрел на нее – час, минуту или один миг, Алекс не знал. Покуда не моргнул от попавшей в глаз снежинки.

А как моргнул – исчезло все. Пригорок был пуст, и даже снег на нем не примят. Только на самой верхушке, рядом с тонкой сосенкой в сугробе, вдруг блеснуло что-то. Так ярко, что глаза заболели.

Алекс прищурился. И впрямь что-то там было. Нужно достать...

Завывал ветер, колыша верхушки сосен; швырял в лицо пригоршни снега, а сердце Алекса так громко теперь билось в груди, что, казалось, за версту слышно. Еще с минуту

пытался он подняться, да без толку. Окоченевшие ноги не слушались, подкашивались, как ватные.

– Нужно идти... нужно... – сам себе твердил Алекс как заведенный. – Не выходит идти, так ползти. Нужно!

Ползти с одной-единственной здоровой рукой тоже была задача непростая. Вторая рука, правая, рабочая, бесполезной паклей волочилась по снегу. Та рука, которой он швырнул перчатку в лицо Мишелю. Та рука, которой сжимал рукоять револьвера... Ох, избавиться бы от нее вовсе!

Не иначе как ярость придала сил и разогнала кровь по телу: Алекс наконец-то приловчился двигаться, и даже онемевшими ступнями удавалось упираться в снег. Вместо искореженной правой кисти опирался на локоть. И все же сделать последний рывок – подняться вверх, на пригорок – было задачей непосильной.

Алекс все ждал нового прилива сил, новой вспышки злости – хоть чего-то, что даст причину пошевелиться снова! Ждал. Понимал, что с каждым мигом у него все меньше шансов выбраться живым, – и ждал.

Да стекленеющим взглядом все смотрел на мерцающий впереди отсвет. Как дивно он переливается красным, зеленым и синим. Еще лишь одно небольшое усилие, чтоб достать. Так близко... Так невообразимо далеко.

Глава 1.

Кошкин

Дороги в уездном городе Екатеринбурге и так мели не слишком-то часто, а уж в буран этим не занимался никто.

Степан Егорович Кошкин, помедлив, спрыгнул из саней прямо в здоровенный сугроб (вся улица была сугробом, чего уж там) и, рукой защищаясь от снега, огляделся. Стемнело, так что вывеска на аккуратном новеньком доме ярко была подсвечена фонарями: «Клиника доктора медицины Алифанова В. А.».

Впрочем, главный вход наверняка был уже закрыт, так что Кошкин, поискав глазами, нашел служебный.

Бежит...

Да, прямо от тех дверей по занесенной снегом дорожке к нему бежала Ирина, накинув на плечи только пуховую шаль. Кошкин, конечно, поспешил навстречу.

– Право, Ирина Владимировна, ну что ж вы... я б и сам дорогу нашел. Простудитесь ведь.

– Да мне не холодно, Степан Егорович, – с наигранной отвагой рассмеялась девушка. – Сама простужусь – сама вылечусь. Пойдемте скорее, у нас жарко натоплено.

Кошкин спорить не стал.

– Его Виктор нынче под вечер нашел, – рассказывала Ирочка минуту спустя в отцовском кабинете. Заперев двери, скинув шаль и оставшись в ладно скроенном по фигуре суконном платье, она проворно подбросила полено в печь-голландку и поставила греться большой медный чайник, не прекращая при этом разговора. – С утра кто ж знал, что буран такой начнется? Вот и отправился Витя на охоту в сторону Шарташей. А возвращаться стал – глядь, темнеет на пригорке что-то! Подошел, а там человек в снегу лежит. Ужас-то... Он его на кобылку скорее и к нам. Ну а я уж за вами, понятное дело, послала... Вы садитесь. Чай сию минуту вскипит. У меня пирог еще вкусный есть, с вареньем!

– Благодарю, Ирина Владимировна, я успел поужинать... – солгал Кошкин. – Так что насчет трупа?

– Какого трупа?

– Который ваш брат в лесу нашел, – терпеливо объяснил Кошкин. – Прозектор через час обещался приехать, а я покамест протокол бы составил...

– Да бог с вами, – быстро перекрестилась Ирина, – рано еще прозектора – живой он. Владимир Андреич осмотрел уже: легкое переохлаждение, и только. С рукой, правда, что-то – может, обморозил, неясно пока. Вы садитесь, пирог покушайте. Я вам гарантирую, что он пока не умрет!

Кошкин устало потер переносицу и опустился на предложенный стул. Как мог деликатнее сказал:

– Ирина Владимировна, так ежели он живой, то зачем вы полицию позвали?

В глазах у Ирины отразилась паника, как у неумелого шулера, пойманного за руку.

– Так... ну вы, Степан Егорыч, сами подумайте: в буран, в лесу, в сумерках – кто ж по доброй воле на снегу лежать станет? И одет он не как охотник, – предупредила она догадку Кошкина, – и сорочка, и штаны – все вручную сшито. Пальто французское, ботинки английские. Сразу видно, из купцов! А у нас-то в городе сами знаете, какие страсти творятся! Точно вам говорю, лихие люди его нарочно в лес привезли да выкуп требовали! А главное...

Ирина вдруг нырнула рукой в карман суконного платья и на ладони протянула Кошкину золотое украшение необыкновенно тонкой работы. Женский гребень для волос с выложенным разноцветными камнями павлином. Нет, не павлином – жар-птицей. Тело и роскошные огромные крылья были синими, хвост рубиново-красным, а миниатюрная головка венчалась хохолком с тремя крупными зелеными камнями.

– В руке у него этот павлин был зажат, – сообщила Ирина. – Насилу Владимир Андреич вынул – так крепко держал, хоть и без сознания.

– Это жар-птица, а не павлин, – машинально поправил Кошкин.

Откуда-то он точно знал, что это жар-птица. Видел он, что ли, этот гребень раньше? Только где?

Из рук Ирины он принял заколку, да так и не опустил ее в приготовленный бумажный конверт – все рассматривал и пытался вспомнить.

– Этот господин...

– Риттер, – подсказала Ирина. – Риттер Александр Николаевич, он так назвался.

Кошкин кивнул:

– К нему можно?

– Да, конечно, я провожу!

Кошкин вымученно улыбнулся, не найдя причины отказать.

«Славная она девушка», – думал Кошкин, вслед за Ириной следуя по коридорам, чтобы попасть в больничное крыло.

И образованна, и неглупа, и красива в меру. Выдумщица, правда. Владимир Андреевич, которого она только по имени-отчеству величала, приходится ей батюшкой. Доктор Алифанов, Владимир Андреевич, профессор и знаменитый на всю округу окулист. В Вятской губернии, говорят, родился, в заводском поселке. Однако ж выучился в Казанском университете, был приглашен в их уезд в новую больницу при заводе, да здесь и осел. Крайне удачно женился на дочери главврача, позже и сам госпиталь возглавлял, перемежая практику с чтением лекций и написанием научных работ в том же Казанском университете. А года полтора назад выкупил новенький особняк на Вознесенском проспекте возле церкви и открыл здесь частную клинику, пользующуюся немалой популярностью у горожан. Даже теперь, в столь поздний час, в коридоре толпились какие-то пациенты.

Профессор сам свел знакомство с Кошкиным по причине довольно деликатной: для исследований глазного аппарата доктору регулярно требовались свежие трупы. В таком деле без знакомства с местным полицейским надзирателем, разумеется, не обойтись.

Ирина между тем вела его в больничную палату, обычно пустую в силу специализации клиники – но не сегодня.

Первым Кошкин увидел Виктора Алифанова, взрослого сына профессора и тоже доктора. И Виктор, сын, и Ирина, дочка, – оба пошли по стопам отца, в медицину. Ирина окончила женские курсы в губернском городе, успела выйти замуж и расстаться с мужем, после чего снова вернулась в отчий дом. Виктор тем временем отучился в университете, некоторое время был земским врачом, а ныне замещал отца в клинике.

Характером младший Алифанов едва ли пошел в именитого батюшку: Виктор был балагуром, каких поискать, громким, ярким и совсем не склонным днем и ночью корпеть над научными трудами или возиться в прозекторской, как родитель.

Вот и сейчас он беседовал со спасенным им пациентом легко, весело, будто те, ни много ни мало, старинные приятели. Его даже не смущало, что пациент отвечает невпопад и почти его не слушает.

Риттеру на вид было около тридцати. Может, и меньше, но изможденное лицо с залегшими под глазами тенями, с грубо вырезанными носогубными складками, с тяжелыми хмурыми бровями делали его старше. А в темно-русой шевелюре да суточной щетине на щеках нет-нет да серебрилась седина. Тяжко ему пришлось.

Риттер был уже не в постели, оделся полностью, разве что сюртук не успел натянуть. На вошедшего Кошкина он обернулся первым, и, глядя на то, как он с достоинством поднялся, потянулся за сюртуком, спеша его надеть, Кошкин подумал, что тот, пожалуй, не из купцов, а благородных кровей. И выправка была военной.

– О, и полиция пожаловала! – легкомысленно сообщил Виктор, после чего представил его Риттеру: – Господин полицейский надзиратель Кошкин Степан Егорович, прошу любить и жаловать.

Кошкин коротко кивнул в ответ на кивок Риттера и отметил, как тот протянул было ему руку для приветствия – слишком бледную, с нелепо скрюченными узловатыми пальцами. Протянул – и сразу отдернул, неловко убрал за спину. Но все же собрался и с достоинством поздоровался:

– Риттер Александр Николаевич, штабс-капитан гвардии. В отставке... Весьма рад.

– Ну-с, оставлю вас, господа. – Виктор, хоть и не свойственна ему была деликатность, счел за лучшее откланяться. – Доброго вечера!

Когда тот вышел, закрыв за собою дверь, в палате стало необычайно тихо. Неловкости, впрочем, не чувствовалось, да и некогда было Кошкину ходить вокруг да около.

– Что у вас с рукой? – спросил он, пройдясь и устроив папку с бумагами на подоконнике.

Тот странно дернулся, носогубные складки и морщины на лбу стали как будто еще глубже, но ответил тоже без обиняков:

– К делу это не относится.

По грубым шрамам на правой кисти Кошкин сообразил, что ранение скорее всего было пулевым. Не самым старым, потому как шрамы еще были ярко-красными, а господин Риттер свое увечье до сих пор воспринимал болезненно. Так что к делу его рука и правда едва ли относится. Настаивать Кошкин не стал, а задал новый вопрос:

– Как вы оказались один в лесу, одетый совершенно не по погоде?

– Глупая совершенно история... – Риттер устало провел ладонью по лицу и все-таки позволил себе снова сесть на больничную койку. – Давеча пришлось ехать в губернский город по делам вступления в наследство. Дела те обернулись неудачно: стряпчему требовались документы, оставшиеся здесь, вот я и торопился. Не стал дожидаться вечернего поезда из Перми. А ямщик везти отказался, мол, буран надвигается – ни в какую ехать не хотел. Пришлось мне взять лошадь, сани да ехать самому по Сибирскому тракту... Кто ж знал, что буран и впрямь начнется? Дорогу замело, лошадь шла-шла да и выбилась из сил совсем. Я всего-то хотел чуть вперед пройти, дорогу отыскать – но и лошадь свою потерял в итоге...

Пока тот говорил, Кошкин глядел на него недоверчиво. Столь суровое вдумчивое лицо мало сходилось у него с таким безалаберным поступком. К вечеру, через незнакомый лес, с черт знает где взятой лошастью в путь мог отправиться или глупец, или самоубийца.

– Вы недавно в городе? – угадал Кошкин.

– Да, прежде мой полк был расквартирован в Петербурге...

– Вы только что из Петербурга? – Кошкин удивился так, что безотчетно подался вперед. – Давно?

– Две недели как.

– И... как там? Есть ли новости? Быть может, вы виделись с...

Кошкин вовремя осекся, сообразив, что ведет себя неуместно. Но это было сильнее его. В сей чертовой глуши впервые за полтора года своего здесь пребывания он встретил человека, который и впрямь мог что-то ему сказать по единственному волнующему Кошкина вопросу.

Риттер, заметно оживившись, вопросительно смотрел на него и, чем черт не шутит, мог действительно рассказать. Мир тесен, что ни говори. Но Кошкин не решился. Вероятность, что Риттеру хотя бы известно имя графини Раскатовой, ничтожно мала, а вот то, что он выставит себя идиотом, проявив неподобающий интерес, – велика необычайно.

Это еще с учетом, что Светлана Дмитриевна вовсе не сменила имя, выйдя, к примеру, замуж в очередной раз.

– Неважно, впрочем...

– Вы родом из Петербурга? – догадался в свою очередь Риттер.

– Нет-нет... но я довольно долго служил в тамошней полиции.

Риттер вдумчиво кивнул, а в его глазах, совсем тусклых до этого, с каждым мигмом все больше загорался интерес. Он даже хмыкнул вдруг, хоть и невесело:

– Выходит, вас тоже сослали сюда за провинность?

– Почему «тоже»? Вы разве здесь не по своей воле?

– По своей... – Риттер снова скривил губы в злой усмешке. – Получается, я сам себя вроде как сослал. Степан Егорыч, позвольте, у вас не найдется закурить? Черт знает где я свой портсигар оставил.

Кошкин с готовностью полез в карман и только теперь вспомнил про конверт, в который уложил гребень с жар-птицей. Поспешил отдать его Риттеру вместе с протянутыми папиросами.

– Это не мое... – Тот отдернул руку почти так же, как при знакомстве. И снова паника в глазах.

– Чье же, если не ваше? Насколько мне известно, в том лесу более никого не было.

Риттер явно хотел возразить, но не решался, мял пальцами папиросу. Кошкин не выдержал, положил гребень на койку подле него.

– Забирайте, – велел он жестче, – ежели передам это начальству, то, уверяю, вещь «потеряется», глазом не моргнете...

Договорить Кошкин не успел: стремительно распахнулась дверь, и в палату заглянула Ирина, чем-то немало взволнованная.

– Господин Риттер, к вам посетители, – весело сообщила она, – матушка ваша, а с нею молодая дама, невеста, должно быть. Мы, разумеется, обычно в палату не пускаем, но ради вас...

Риттер даже побагровел: посетителям он совершенно точно был не рад.

– Вот же... и откуда они узнали только?! Вы можете сказать им, что ко мне нельзя? – он почти умолял Ирину.

Та растерялась, страшным шепотом сообщила:

– Я уже разрешила пройти, они здесь, за дверью...

Риттер чуть не взвыл и уже без слов умоляюще поглядел на Кошкина.

А тот и сам не понял, отчего решился помочь: за рамки его служебных обязанностей следующее выходило довольно сильно...

Посетительницы, которым так не рад был его новый знакомый, с первого взгляда казались совсем не страшными. Невысокого роста худосочная дама – язык не поворачивался назвать ее пожилой, настолько та была элегантно и молодящейся, одетой ярко и даже экстравагантно по здешним меркам. А столь же темная, как у Риттера, шевелюра с чуть более густой проседью уже не оставляла сомнений, что дама – его мать.

Вторая – блеклая блондинка лет двадцати пяти, закутанная в собольи меха так, что из них торчал только вздернутый нос и пенсне с толстыми стеклами в каучуковой оправе. Блондинку Кошкин сперва и в расчет не взял, решив говорить с матерью Риттера.

А зря.

Услышав, что их любезному Алексу все еще нездоровится и ночь ему лучше провести в клинике, именно блондинка, покуда мать ахала и причитала, дерзко шагнула к Кошкину.

– Вы доктор? – поинтересовалась она, сдвинув пенсне на кончик носа и посмотрев так, что Кошкин почувствовал себя лабораторной мышью, которую вот-вот препарируют.

– Нет, я не доктор, – признался он, – но сути это не меняет: к господину Риттеру все равно нельзя.

Блондинка, и не думая смиряться, горделиво вскинула голову и потребовала:

– Представьтесь.

Кошкин вздохнул и не нашел причины отказать. Назвался.

А блондинка все не унималась. Будучи на голову ниже его, она умудрялась смотреть сверху вниз, взглядом, от которого Кошкин давненько уже отвык.

– Мое имя Елизавета Львовна Кулагина, – веско сообщила она.

И хотя дамочка не стала добавлять, кто ее отец, Кошкин чуть напрягся. Кулагин, ни много ни мало, занимал пост городского головы и начальствовал над городом уже пятый, кажется, год.

А впрочем... что такое голова заштатного уральского городишка? Большинство врагов Кошкина стояли на карьерной лестнице гораздо выше Кулагина. Так что Кошкин, совершенно неожиданно для себя, усмехнулся.

Но блондинка, поняв, что ее громкое имя особого эффекта не возымело, не сдавалась снова и снова.

– Не думайте, любезный Степан Егорович, что у меня нет связей в городской прессе! – заявила она совсем уже не любезно. – Я сегодня же сообщу им, что вы удерживаете господина Риттера без всяких на то оснований!

Кошкин вздохнул:

– Если бы каждый раз, когда я слышу эту фразу, любезная Елизавета Львовна, мне давали бы по рублю – ей-богу, я стал бы уж миллионером.

Секунд пять блондинка переваривала услышанное, а потом вспыхнула, и голос ее зазвонел от возмущения:

– Вы еще и взятку требуете? Вы слышали это, Софья Аркадьевна, вы слышали?!

– Лиза, Лизонька, ну что вы, право слово!.. Господин Кошкин ничего такого не имел в виду, как мне кажется... – попыталась старшая дама утихомирить младшую, но снова без особого результата. – Скажите, господин Кошкин, сможем ли мы увидеть Алекса завтра?

– Вероятно, да. И господин Риттер, разумеется, не задержан, прошу прощения, ежели заставил вас так думать... Это лишь рекомендация доктора.

Блондинка снова попыталась что-то сказать, но теперь уж Софья Аркадьевна оградила его от нее слабым причитанием:

– Ну, Лизонька, не стоит, право слово...

А Кошкин скорее ретировался в палату да запер за собой дверь на щеколду.

Оттянул ворот мундира, будто длинные пальчики мадемуазель Кулагиной с острыми коготками грозили задушить его в самом деле. А потом и вовсе расстегнул верхние пуговицы.

Ну и характер. Будь у него такая невеста, он бы, пожалуй, тоже не побоялся отправиться в буран пешком по лесу. Только не к ней, а от нее.

Риттер курил и смотрел на него с сочувствием и пониманием.

– Вечно вы не сможете прятаться от вашей невесты, – заметил Кошкин. – Завтра все равно придется показаться ей на глаза.

– Мы не обручены, – тотчас отозвался Риттер. – Не дай бог. Это матушкины мечты, и только.

Наивности Риттера оставалось лишь посочувствовать, ибо девушки вроде Елизаветы Львовны всегда получают то, что хотят. Или почти всегда.

– Вам есть где переночевать? – спросил он у Риттера.

– Найдется.

Очевидно, что нет.

– Если устроит диван в гостиной, то можете остановиться у меня.

Риттера диван устроил.

* * *

Где бы ни был Кошкин и чем бы ни занимался, самым важным событием за день было для него возвращение домой. Не сам дом, тесная мебелировка на втором этаже, так манил его, а тот самый момент, когда, вставляя ключ в замочную скважину, можно было целый миг верить, что замок откроется с одного оборота. Как тогда, когда Светлана незваной пришла в другую его квартиру и разделила жизнь на до и после.

Но нет. Сегодня дверь тоже была заперта на два оборота.

– У вас выпить найдется, Степан Егорыч?

Выпить нашлось. Ассортиментом поразить гостя, конечно, не вышло: полюбившегося Кошкину шотландского виски в уездном городе Екатеринбурге днем с огнем не сыскать. Благо Риттер оказался господином непривередливым и с большим удовольствием употребил две рюмки подряд простой очищенной водки. Сам Кошкин из солидарности опустошил одну и, мрачно наблюдая за новым знакомцем, посоветовал:

– У вас тяжелый день был, Александр Николаевич, и все же на спиртное не налегайте. У нас здесь, видите ли, заняться особенно нечем, так что стоит только начать... мигом сопьетесь. Двое предыдущих, кто мою должность занимал, так и кончили. Один с петлей на шее, второй в сугробе замерз во дворе собственного дома.

Риттер на это ничего не ответил и опрокинул в себя третью рюмку. Зато повеселел заметно и вдруг попросил:

– Полным именем, признаться, меня мало кто зовет. Просто Алекс.

– Степан. – Кошкин охотно пожал его левую, здоровую руку, протянутую в честь вторичного знакомства.

– Так вы, Степан, стало быть, вернуться в Петербург намереваетесь? Оттого себя блюдете?

Кошкин мрачно усмехнулся:

– Отчего же нет? Вернуться только из могилы нельзя.

– И то правда, – согласился Алекс. Прищурился темным взглядом, будто в самое нутро заглянул. И догадался: – *Cherchez la femme*¹. Женщина? В ней все дело?

– Дело почти всегда в женщинах.

¹ Ищите женщину (*фр.*). – Здесь и далее прим. авт.

– Все беды от них, – с пониманием кивнул Алекс.

– Это как посмотреть, – возразил Кошкин.

– Да как ни посмотри – все едино! – неожиданно вскипел новый приятель. И глаза у него сделались совсем черными.

Он потянулся было снова за бутылку – изувеченной правой рукой, – да неловко задел рюмку, которая тотчас покатила по столу и со звоном разбилась об пол.

Алекс тут же смешался и даже попытался собрать осколки. Наклонившись, чертыхнулся и вынул из кармана золотой гребень, очевидно, мешавший ему.

Кошкин наблюдал за всем не шелохнувшись. Однако жар-птица на гребне так манила, переливаясь разноцветными камнями, что Кошкин не утерпел. Потянулся за ним через стол, чтобы рассмотреть в очередной раз.

В сказках, которые рассказывала ему в детстве мать, все злоключения Ивана-дурака начинались с того, что он нашел перо жар-птицы...

– Алекс, бросьте вы это, – позвал Кошкин, кивнув на разбитую рюмку. – Скажите лучше, отчего вы заявили, будто заколка не ваша? Чья тогда? Кроме вас, в лесу, насколько мне известно, никого не было.

И отметил, как странно дернулся Алекс на последней фразе. Уточнил:

– Или был?

Алекс, совсем обессиленный, постаревший как будто еще на пару лет, шумно выдохнул и бросил на него быстрый взгляд. Крайне осторожно произнес:

– Мне показалось в какой-то миг, что там была девушка. Красивая... я таких никогда не видел. Волосы белее снега. И босая. В изорванном розовом платье в мелкий цветочек. Была – а потом исчезла. Там, где она стояла, я и нашел гребень...

Алекс замолчал, смешался, будто вспомнил что-то. А потом вдруг ни с того ни с сего резко обернулся. И сник окончательно.

– Где, говорите, это было? Что за лес? – спросил Кошкин.

– Черт его знает... лес он и есть лес. Сосны там всюду были.

Новый знакомец в географии окрестностей, конечно, не разбирался – за этим вопросом к Виктору Алифанову надобно обращаться. И впрямь чудо, что он так вовремя оказался рядом... Слова Алекса насчет девушки с белыми волосами Кошкина не особо впечатлили: при смерти еще не то привидится. Но вот гребень был самым что ни на есть реальным. Гребень с жар-птицей – не с павлином. Потому что хвост огненно-красный... Откуда он там оказался? Кто потерял? И почему, когда пытался напрячься и вспомнить, на ум первым делом шла мать, оставшаяся в далеком Петербурге?

– Вы верите в призраков, Степан? – задумчиво, почти в забытьи, вдруг спросил Алекс.

А Кошкин не нашелся что ответить. Призраки заколок не теряют, это точно...

Спалось ему в ту ночь неважно. Снилось жар-птица с огненно-красным оперением и русалочьими, полными тайн и обещаний глазами Светланы. Она сладко пела ему, манила, но стоило Кошкину приблизиться – улетала прочь.

Глава 2. Лиза

Не сказать, что у Елизаветы Львовны Кулагиной было так уж много поклонников, однако, глядя на только что доставленную коробку, полную великолепных, хоть и чуть подмерзших орхидей, ей пришлось задуматься, кто отправитель.

Был один мужчина, от которого она была бы рада получить и цветы, и куда более явные знаки внимания. В конце концов, ей двадцать шесть, она давно уже не трепетная дебютантка, да и видятся они едва ли не каждый день. К чему эти глупые цветы, если можно все сказать на словах?!

Был и другой претендент на роль отправителя, и, наверное, Лизе следовало подумать о нем прежде всего. Цветы он посылал и раньше. Отчего-то особенно любил багрово-алые розы с такими острыми шипами, что ее пальцы они кололи до крови, едва стоило прикоснуться. Лиза поежилась. Мысли об этом господине не вызывали у нее ничего, кроме досады, тоски и почему-то страха, природу которого она объяснить себе не могла. Порождал страх каждый его визит, каждое предельно вежливое слово, обращенное к ней, каждый взгляд – холодный и пронзительный. Такой же колючий, как шипы на его чертовых розах.

Если цветы действительно от него, то дело плохо.

Это значит, что он не желает понимать ни намеков, ни прямых отказов – а ведь в последнюю их встречу Лиза вполне однозначно попросила его более к ним не ездить. Лизу в прямом смысле слова бросало в дрожь при мысли, что следующий его разговор состоится тет-а-тет с ее отцом и что, устав ходить вокруг да около, он возьмет да и попросит Лизиной руки!

Что станет делать батюшка?

Не выдаст же он ее замуж насильно? Наверное...

Хотя в то, что отец решится отослать ее в Петербург три года назад, Лиза тоже не верила – и что? До чего ужасно, когда не можешь распоряжаться собственной судьбой!

– Позвольте цветы в воду поставлю, Елизавета Львовна?

Обыденный вопрос горничной все-таки выдернул Лизу из пут собственного воображения, в котором она уже составляла план, как сбежать из дома под покровом ночи – лишь бы не достаться ненавистному поклоннику.

– Не нужно в воду, Марфа, – небрежно отгалкивая коробку, ответила Лиза. – Унеси куда-нибудь с глаз, а лучше и вовсе выброси.

Горничная растерянно хлопнула ресницами, но, зная нрав барышни, возразить не решилась. Потянулась за коробкой и тут же ахнула:

– Да тут записка, Елизавета Львовна! Вместе с запискою, что ли, выбросить?

Клятая близорукость! Лиза наклонилась, почти нырнув в коробку, и в самом деле увидела крохотный бумажный прямоугольник, затерявшийся среди таких же белых лепестков. А на обратной стороне и не самый короткий текст, написанный мелким убористым почерком.

Но более всего Лизу поразила подпись – Алекс Риттер.

Забавно.

Вот уж от кого она не чаяла получить цветы, так это от него. В записке Алекс извинялся за вчерашнюю выходку – глупый и мальчишеский побег из клиники; выражал надежду, что Лиза не обиделась, и настоятельно просил их с отцом отобедать сегодня у них.

Забавно. И к чему это все?

С Алексом они были знакомы уже года три, кажется. Да, ровно три года и два месяца: в декабре 1890-го, когда отец отправил ее в столицу, к петербургской тетушке, «набираться ума и манер», они с Алексом были представлены друг другу на каком-то рождественском балу. Петербургская тетушка, жеманно прикрываясь веером, настоятельно советовала ей обратиться

внимание на молодого офицера, который только что был произведен в штабс-капитаны гвардии и имел все шансы сделать блестящую карьеру. Ну а кроме того, офицер принадлежал по отцовской линии к старинному дворянскому роду, а по материнской был практически их соседом. Матушка Алекса родом из Екатеринбурга, где ее отец владел недвижимостью, заводом и двумя железными рудниками. Словом, господин Риттер женихом был завидным – не говоря уж о том, что и внешне весьма недурен. Молод, высок, с великолепной военной выправкой, густой темно-русой шевелюрой и дерзким, полным жизни и веселья взглядом.

Не заметить Алекса Риттера было сложно.

А к концу же того вечера Лиза, как и прочие, питавшие в отношении его надежды девушки, наблюдала, как Риттер ни на шаг не отходит от какой-то начинающей певички, приглашенной для развлечения гостей. Певичка слегка фальшивила, когда пела, зато имела огромные бездонные глаза и пышные кудри, выкрашенные в пошлый рыжий цвет. Неудивительно, что меньше чем через год она уже состояла в штате театра и пела ведущие партии.

Ну а Алекс... много воды утекло за эти три года, и он уже больше не считался завидным женихом.

– Елизавета Львовна! – снова напомнила о себе горничная. – Барышня, ну так что, выбрасывать цветочки, али как?

Лиза задумчиво поглядела на орхидеи, потом на записку и молвила:

– Оставь.

Посылку она разглядывала, находясь в гостиной на первом этаже, через коридор от отцовского кабинета. По утрам батюшка теперь частенько работал дома и визитеров не принимал – Лиза знала бы. Потому-то она и насторожилась, услышав, что дверь отцовского кабинета тихонько скрипнула, а после чужие, по-кошачьи мягкие, тише, чем у лакеев, шаги минули коридор и замерли возле входа в ее гостиную... Теперь было слышно только тиканье больших напольных часов да мерзкое сопение чьего-то носа из-за двери.

Лизу передернуло.

Впрочем, недолго думая, она сделала жест горничной оставаться на месте, а сама подошла к двери и резко ее отворила.

Кирилл Иванович Гаврюшин собственной персоной сопел под ее дверь вместо того, чтобы пойти куда подальше и высморкаться.

– Кажется, я просила вас, сударь, более не беспокоить меня визитами?! – спросила она куда громче и резче, чем то позволяли правила приличия. Но Лизе нынче было не до приличий.

– Весьма рад вас видеть, Елизавета Львовна, весьма рад...

Гаврюшин – длинный, сутулый, нелепый, уже начавший лысеть в свои неполные тридцать – подобострастно кланялся, умудряясь быть ниже Лизы ростом, и колючим своим взглядом всматривался ей в глаза. Гнев Лизы его ничуть не трогал.

– Я помню все ваши просьбы, Елизавета Львовна, но у меня есть оправдание: нынче я приезжал к вашему батюшке, а не к вам.

– Зачем?.. – похолодела Лиза.

– По важному делу, Елизавета Львовна, по безумно важному делу. Впрочем, теперь я ухожу. Позвольте поцеловать вашу ручку на прощание?

– Вот еще!.. – Лиза спрятала руку за спину. – Всего доброго, и надеюсь в следующий раз увидеть вас очень не скоро!

Последнее было уже верхом неприличия, но этот субъект просто вывел Лизу из себя! Не дождавшись, когда Гаврюшин скроется из виду, она метнулась в кабинет отца, без стука ворвалась внутрь, с ходу готовая засыпать его упреками и вопросами.

Словам, правда, не пришлось вырваться наружу тотчас: отец что-то читал и предупреждающе поднял указательный палец, заставляя подождать. Отец Лизы, Лев Александрович

Кулагин, уже пятый год занимал должность городского головы и был одним из немногих людей, чью занятость Лиза действительно уважала.

Помешать отцу она не посмела: чинно остановилась у двери, сцепив руки за спиной и от нетерпения притопывая ножкой.

Впрочем, как и бывало часто, запал Лизы быстро кончился. Метавший молнии взгляд сделался теплым, пока она разглядывала отца, склонившегося над книгой. Тяжко признавать, но как же он сдал за те три года, что ее не было... Разве позволил бы он себе прежде отсиживаться дома в этот час? Да ни за что! И волосы стали совсем седыми, и солидное брюшко уже не удержат никакими корсетами. Лиза нахмурилась: не отправь он ее в Петербург – наверняка ничего этого не было бы!

А потом Лиза подняла взгляд выше головы отца – на стену, оклеенную обоями с золотистыми разводами. Невероятно, но на ней все еще выделялся более темный прямоугольник – место, где когда-то висел портрет.

Лиза и не помнила толком времена, когда портрет висел на стене. Ей было года три от силы, когда батюшка приказал его снять, вынуть из рамки, а холст убрать на чердак. Портрета нет, а темный прямоугольник каждый день напоминает о прошлом.

Имя матери не было дома под запретом, и все же Лиза не позволяла себе думать о ней. Да и какая она мать после того, что сделала!

Это в детстве Лиза частенько забиралась на чердак, разворачивала тот холст с портретом и глотала слезы, снова и снова думая, что она, трехлетняя крошка, могла сделать такого, что мама ее бросила... Но детство кончилось, и Лиза больше так не думала. Только в отцовском кабинете, глядя на темный прямоугольник на обоях, и вспоминала красивое мамино лицо, огромные ясные глаза и распущенные, как у лесной нимфы, белые волосы. Мамины волосы действительно были совершенно белыми, гораздо белее, чем у самой Лизы. Странно – отчего так? Ведь современная медицина считает, что альбинизм – это наследственное...

– Лизавета! Лиза, у тебя дело ко мне?

Отец обращался к ней не в первый раз, а Лиза, переведя взгляд с темного прямоугольника на его лицо, даже не сразу вспомнила, зачем пришла.

– Гаврюшин... – с трудом вспомнила она и снова нахмурилась. – Зачем он приходил? Терпеть его не могу!

– Напрасно, Лизонька, совершенно напрасно. Кирюша молод, неглуп... – на этих словах Лиза презрительно фыркнула, но отец с нажимом продолжил: – И отлично воспитан вдобавок ко всему. А этому, моя дорогая, тебе следовало бы у него поучиться!

Лиза фыркнула снова, хоть уже и потише.

А после наблюдала, как отец со вздохом поднялся из-за стола, отодвинул портьеру и, щурясь, посмотрел на ярко-белый снег.

– Поди-ка сюда, Лизавета.

Отец тяжело плюхнулся на диванчик под окном и похлопал ладонью по подушке. Лиза незамедлительно подскочила и с ногами устроилась рядом.

– Как тебе жилось в Петербурге, милая? Понравилось у тетки? – спросил отец. – Мы с тобою толком и не говорили ведь после твоего возвращения.

И правда не говорили, поняла Лиза. Прежде она батюшке обо всем рассказывала или почти обо всем. А теперь уж все изменилось. Лиза нахмурилась, вспоминая причину ее отъезда и такое несправедливое поведение батюшки.

– Ничуть не понравилось. Ужасный холодный город, я каждый день там мерзла и страдала от глупых разговоров вашей сестры. Ежели вы хотели наказать меня, отослав в Петербург, то у вас это получилось, браво!

Отец снова шумно вздохнул и напрягся, даже отстранился от Лизы. Шестым чувством она догадалась, что перегнула палку, но, кажется, было поздно.

– Так это все, что ты вынесла из своей поездки? Что город холодный, твоя тетка глупа, а я желаю лишь наказать тебя?

– А что еще я должна была вынести?! – В запале Лиза вскочила на ноги. – Вы должны быть рады, папенька, что я не стала копать дальше и искать истинную причину вашего решения меня отослать!..

Тяжелая ладонь отца с грохотом ударила по столешнице – впрочем, угодила в поднос с чайной парой, и осколки тончайшего фарфора со звоном полетели по полу.

Ни отец, ни дочь не шелохнулись – гневно смотрели в глаза друг другу.

– Я предупреждал тебя, Лиза, ни слова о том, что было до Петербурга! Ни слова...

Отец вдруг замолчал, лицо его исказила мука, а рука прижалась к груди. Он тяжело оперся на столешницу.

Лиза похолодела:

– Что... что случилось? Вам нехорошо?

Отец не отвечал. Лиза сорвалась с места, бросилась к графину с водой и трясущимися руками наполнила стакан. Впрочем, батюшка даже людей позвать не разрешил. Отмахнулся:

– Ничего особенного. Сердце шалит. Давно уже.

– Ну простите, что вам так не повезло с дочерью! – театральнo всплеснула руками Лиза.

К воде батюшка не притронулся. Грубо отодвинул руку Лизы и, опираясь на подлокотник, снова сел на диван.

– Я надеялся, Лизавета, – севшим голосом продолжил он, – что столица хоть немного изменит тебя. Что не здесь, так там ты найдешь кого-то по сердцу – достойного человека, на которого я мог бы тебя оставить и более хотя бы о тебе не волноваться... Ты спрашивала, зачем приходил Гаврюшин?

Лиза сжимала стакан с водой так сильно, что казалось, стекло сейчас лопнет.

– Он просил твоей руки.

– Нет, папенька...

– Просил, и, наверное, я дам согласие. Пойми, случись что со мной – одна ты пропадешь, Лиза. С твоим-то характером. Перессоришься со всеми соседями и настроишь всех против себя еще до моих похорон. Да и не выдюжить девице в одиночку, что бы ты там о себе ни воображала. Все, решено – быть свадьбе с Гаврюшиным! И батюшка его, Иван Ефимович, нашего круга: по всем статьям Кирюша ровня тебе. Мечтал я, конечно, с благородным сословием породниться, да, видно, не судьба...

– Отчего же не судьба, папенька? – ни жива ни мертва, спросила Лиза. – Может, как раз в Петербурге я и познакомилась с молодым человеком дворянского происхождения... С офицером из достойной семьи, и довольно состоятельным к тому же. Вот-вот получит огромное наследство. Все как вы мечтали.

Отец подозрительно прищурился и даже за сердце держаться прекратил.

– Это с кем же?

– С Алексом Риттером, – ровным голосом ответила Лиза и сделала большой глоток из стакана. – Всем он хорош. Чем не жених?

– Алекс? Риттер?

Отец, окончательнo забыв про свое сердце, практически бодро поднялся на ноги и прошелся по кабинету. То и дело он оборачивался на Лизу и смотрел на нее то недоверчиво, то с диковатой улыбкой, то с упреком, то с удивлением.

– Риттер всем хорош, – наконец признал батюшка, – да только мне казалось, ты видеть его не можешь, так он тебе отвратителен. С чего вдруг переменилась?

– Так ведь, папенька, я от чувств на него смотреть не могла... все боялась выдать себя. Я-то думала, это он меня терпеть не может. А нынче утром – глядите, что он мне прислал.

Поискав в кармане, Лиза живо протянула отцу карточку с приглашением на обед.

– Записка к букету орхидей прилагалась. Шикарному – Гаврюшин мне таких сроду не присылал... – не дыша, добавила она.

И отец, кажется, поверил. По-молодецки рассмеялся, вдоль и поперек изучив карточку, и упер руки в бока.

– Ишь, на дочку мою позарился, стервец! Но ты не робей, Лизавета, мы тоже не лыком шиты. Живенько собирайся, милая, не то на обед опоздаем!

Отец, совершенно довольный собой, покинул кабинет. И теперь уж Лиза, тяжело вздохнув, без сил упала на его любимый диван. Она понятия не имела, что ей делать теперь... Она ведь совершенно точно знала, что записку с цветами прислал кто-то другой – но не Алекс!

Глава 3. Алекс

Вечно прятаться по квартирам приятелей не выйдет, Кошкин правду сказал. Наутро Алекс и сам счел свое поведение ребячеством – а после ему о том многократно напомнила маман.

– Что же ты думаешь, Лиза не догадалась отыскать доктора да выпросить о твоём здоровье? – взвинченным от напряжения голосом вопрошала мать за завтраком. Глаза ее при этом дотошно следили за горничной, разливавшей чай. – Конечно, отыскала! Да тот и признался, что более тебя никто в госпитале не удерживает.

«Еще бы он не признался», – вяло думал Алекс и растирал пульсирующий болью висок. Он почти наяву видел, как мадемуазель Кулагина допрашивает бедного Алифанова с пристрастием. Разве что нож к горлу не приставила. А мать продолжала:

– Мы, разумеется, тотчас вернулись в палату, но тебя уже и след простыл! Достаточно чаю! – взвизгнула маман, отчего голова разболелась с удвоенной силой. – Я тысячу раз говорила, что мне следует наливать ровно три четверти чашки – ни больше, ни меньше! Это так сложно запомнить?!

– Простите, мадам... сию минуту заменяю... – лепетала горничная.

– Боже мой, оставь! Все, иди, иди, свободна! До чего же глупая девица! – ворчала маман, не дождавшись, пока за той закроется дверь. – Это уже не три четверти, а семь восьмых! Куда мне столько, спрашивается?! О чем мы?

– О том, что я плохой сын.

– Может быть, и не самый плохой, – чуть смягчилась маман, – но ты уж точно мог бы обойтись и без своих ужасных выходок. Что теперь о нас подумают Кулагины?!

– Вероятно, что от нас следует держаться подальше.

– Ах, не шути так, Алекс, ты сводишь меня с ума!

И, как всегда отмахнувшись, маман принялась выбирать ватрушку с творогом, наиболее подходящую под ее критерии идеальности.

Примечательно, что о его самочувствии она так ни разу и не спросила. Самым страшным происшествием за вчера для нее стало невежливое обращение сына с обожаемой ею Лизой, а не то, что этот самый сын едва не погиб. Впрочем, искать сочувствия Алекс, конечно, не собирався: его мать всегда такой была, даже в самых ранних его воспоминаниях.

Да и было этих воспоминаний не так уж много. А позже, как поступил в Михайловское артиллерийское училище и перебрался из Москвы в Санкт-Петербург, то и вовсе Алекс не видел маман по нескольку лет. Отец к тому времени уже умер, и маман в свое удовольствие путешествовала по Европе, растрачивая некогда огромное состояние прусского старинного дворянского рода фон Риттер. Сам Алекс в Петербурге мало от нее отставал: азартные игры, гулянки с товарищами, девицы опять же. Ну а потом в его жизни появилась Милли, и матушкины путешествия стали легкой погрешностью в годовой бухгалтерской отчетности. Наряды, драгоценности, выезды, уроки вокала и актерского мастерства. Подарки нужным людям, чтобы Милли доставались те роли, которых она заслуживает. Он тратил деньги так, будто стремился от них поскорее избавиться. Словно они не кончатся никогда. А они кончились. Как-то совершенно внезапно кончились. Его поверенный говорил что-то такое, предупреждал, но Алекс тогда отмахивался – он считал его мелочным мещанином, того поверенного. И при первых же стеснениях легко согласился заложить родовое поместье под Москвой. После, помнится, Алекс здорово проигрался в карты, да еще именно в том месяце он купил для Милли особняк с чудесным видом на Мойку. Короче говоря, чтобы расплатиться с долгами, отцовское поместье пришлось вовсе продать. Вместе со всеми землями, которые приносили какой-никакой доход.

Как вишенка на торте – вскоре его поверенный крайне внезапно куда-то исчез. Вместе со средствами, оставшимися после продажи поместья и выплаты всех долгов...

Маман все что-то говорила и говорила – Алекс давно уже не слушал, погрузившись в мысли. Лишь последняя ее фраза заставила очнуться.

– Слава богу, что Лизонька не злопамятлива: сегодня Кулагины обедают у нас. Такая лапочка, право, – спрашивает о твоём самочувствии и пишет, что они со Львом Александровичем будут у нас к двум часам.

«Несносная Кулагина и та интересуется моим здоровьем – в отличие от родной матери», – вяло отметил Алекс.

Вслух же степенно ответил:

– Вижу, чего вы добиваетесь, маман, но не морочьте девушке голову. Лиза меня ничуть не интересует, и жениться я на ней не собираюсь.

Залпом допив кофе, Алекс поднялся и направился к дверям. Он посчитал разговор окончательным, но матушка немедленно вскочила следом:

– Интересует или нет – она наш единственный шанс, Алекс! Тебе нужна невеста! Вيني своего безумного деда за подобное завещание, но не заставляй страдать меня! Что я стану делать без денег, сам подумай?! И немедленно сбавь шаг, я за тобой не поспеваю!..

Алекс родительницу слушать был не намерен и, благо лакей тащил куда-то его пальто, схватил это пальто, а затем напрямик из столовой бросился в переднюю и на улицу. Только на крыльце мать от него и отстала – не марать же домашние туфли.

Взбудораженный, Алекс скоро шагал по брусчатке вдоль Исетского пруда, то и дело переходил на бег и даже представить не мог, чтобы кто-нибудь в этом чужом городе окликнул его по имени. Виктору Алифанову пришлось позвать трижды, прежде чем он обернулся.

– Вы торопитесь так, мой друг, будто пожар где-то, – запыхавшись, догнал его Алифанов. – Я от самого особняка за вами бегу!

Алекс тотчас сбавил шаг, охотно поздоровался с Виктором, и оба они пошли рядом без определенной цели, благо погода сегодня была не в пример лучше вчерашней.

– Так вы к нам заезжали? – немало удивился Алекс.

– К вашим соседям – Кулагиным. Мы с Елизаветой Львовной, знаете ли, давнишние друзья, еще с тех времен, когда она на курсах училась, а я ей с точными науками помогал. Прелестная она девица, эта Лиза. Суфражистскими статейками, знаете ли, увлекается.

– Что же здесь прелестного? – Алекс поморщился, недовольный, что уже второй раз за утро разговор касается Лизы Кулагиной.

– В суфражетках-то? – усмехнулся Виктор и, сняв перчатки, поправил подвитые усы. – Это вы так говорите, мой друг, оттого, что мало суфражеток повидали. Город у нас, видите ли, купеческий, деловой – и барышни такие же здесь. Деловые и самостоятельные, матушек да кумушек не слушаются. А уж коли влюбятся... – Виктор расплылся в улыбке, как обожравшийся сметаной кот. – Я, милый Алекс, иной раз думаю, не поддаться ли мне искушению да не пасть ли к ногам Елизаветы Львовны. Уж она-то была бы не против.

Алекс сквозь мрачные мысли свои даже усмехнулся:

– И что же останавливает?

– Обстоятельства-с! – развел руками Виктор. И уже тише договорил: – Лиза-то, может, и суфражетка – зато папенька ее инженер и интеллигент. Не поймет. А жениться мне не с руки, пусть даже и на Лизе Кулагиной. Молод я еще и ветренен. К тому же... – он залихватски потер ладони, – как бы ни была хороша Елизавета Львовна, молоденькие статистки местного варьете все равно лучше. Я, знаете ли, как раз в театр вечером и собираюсь. Не желаете ли присоединиться?

– Нет уж, увольте, – отозвался Алекс, прежде чем даже подумал.

Было б, конечно, здорово заставить матушку саму отдуваться перед Кулагиными на этом треклятом обеде, но у Алекса совершенно не было настроения ехать в варьете. Еще напьется, чего доброго, и снова натворит глупостей. А Кошкин правду говорил: распускать себя нельзя. Здесь – особенно.

Алифанов уж натянул перчатки да явно собирался прощаться, когда Алекс остановил:

– Вы, Виктор, не собираетесь ли снова на охоту, в те же края?

– В субботу думал, ежели погода не испортится, на кроликов пойти в сторону Шарташей. Неужто за компанию хотите?

– Ежели не помешаю. Уверяю вас, с ружьем я отлично обращаюсь. Даже и с одной рукой управляюсь... Что за Шарташи такие?

Виктор пожал плечами:

– Там, за лесом, в сторону Березовских золотых рудников, есть два озера – Шарташ Большой и Малый. Севернее от них село стоит древнее, старообрядческое – тоже Шарташ. Занятные там места, друг мой, и болтают о них разное... Не думал, право, что после всего вы, Алекс, еще хоть разок там захотите побывать. – Виктор вдруг прищурился и въедливо спросил: – Иль увидали на Шарташах что-то, что до сих пор покоя не дает?

Алекс смутился и тотчас пошел на попятную:

– И захотел бы, так кроме снега ничего не увидел бы. Да и не в себе я был... мало ли что привидится.

Он бросил короткий взгляд на Виктора, но тот больше не смеялся, слава богу.

– Странные там места, друг мой Алекс. Я так далеко и не пошел бы: сам, признаться, заплутал из-за бурана. Но старики тех мест сторонятся. Чего там только не мерещится, говорят. Слышал я, что старинное капище там, возле озера... А на самом озере, Большой Шарташ которое, нет-нет да и вырастает остров посередине. И к нему каменная гряда из ниоткуда появляется. И девку, что рудники стережет, там видели...

– Беловолосую? – против воли выпалил Алекс.

Виктор хмыкнул понимающе:

– Белая ведьма – так про нее говорят.

– А почему ведьма?

– Злой призрак, – снова развел руками Виктор. – Говорят, она и в город наведывается. Кто, мол, до темноты домой не вернется – тому Белая ведьма и является. И больше его живым не увидят.

Алекс поглядел на него с сомнением:

– Разыгрываете, должно быть, Виктор? Это же для девиц молоденьких сказка?

– Как знать. Нет-нет да и находят у нас в заводских поселках да на окраине молодых убитых девок со следами удавки на шее.

Виктор не смеялся больше. Даже напротив – поежился и поднял соболий воротник. А вскоре и попрощался.

Признаться, Алекс так и не понял, разыгрывает его новый приятель или правду говорит. Разыгрывает, должно быть... Какой еще призрак Белой ведьмы, черт побери!

Но в одном Виктор все-таки оказался прав: девица с волосами белыми как снег и правда не давала Алексу покоя с того часа, как он очнулся в клинике Алифанова. Мерещилась всюду. Даже сейчас, на оживленной набережной средь бела дня, ему казалось, что она смотрит ему в затылок – стоит лишь только обернуться.

* * *

– Ваш, Александр Николаич, дед, царствие ему небесное, человеком был непростым, но толковым, – поделился наблюдениями господин Кулагин уже в гостиную, отобедав и испив

две чашки чая. – С честью носил звание почетного гражданина города и слыл примерным семьянином.

Алекс в ответ бесстрастно кивал, но про себя не мог не усмехнуться. Примерным семьянином... Его дед был женат трижды – каждую из жен упрекал, что не может подарить ему наследника мужского пола, и каждую свел в могилу буйным своим нравом. А когда наследник все-таки родился – внук Алекс от единственной, но нелюбимой дочери, – обозлился еще более. Ибо знаться с ним семья дочери не желала.

Дед Алекса, Аркадий Доронин, – промышленник, владелец двух железных рудников и завода – скончался два года назад. Скончался в полном одиночестве и, на беду свою, в ясном рассудке. Стряпчий признался Алексу, что тот до последнего ждал, что не дочь, так хоть внук явятся... Не дождавшись, уже на смертном одре, внес в свое завещание последнюю, но самую главную правку...

Интересно, знает ли Кулагин о нюансах дедова завещания? На простака он не похож, хоть и пытается им казаться – выдает въедливый, расчетливый взгляд. Наверняка знает.

Лиза, что за обедом, что теперь, больше молчала, что было для нее совершенно не свойственно. Алекс уж забеспокоился – не больна ли? Впрочем, больной она выглядела не больше, чем обычно: бледна, как всегда, сверх меры. Зато избавилась хотя бы на вечер от пенсне. Алекс даже разглядел, что без толстенных стекол глаза у Лизы очень даже хороши – большие, ясные, кристально-голубого цвета. Длинные белокурые волосы – главное свое достоинство – она сегодня собрала в прическу простую, но милую и украсила живыми орхидеями. И те же орхидеи приколола возле декольте. Довольно впечатляющего, к слову, декольте.

Нет, блеклые блондинки вроде Лизы совершенно не были во вкусе Алекса, но интерес к ней Виктора Алифанова он в принципе мог понять. Лиза была недурна. Особенно когда молчала.

Жаль, продлилось это не до конца вечера.

– Вам нравятся орхидеи, Александр Николаевич? – вполне невинно поинтересовалась Лиза, отследив, наверное, его взгляд.

Время было позднее, и Кулагины просидят у них едва ли еще больше часа. Было бы здорово за этот час не поссориться с Лизой. Поэтому Алекс ответил как мог уклончиво:

– Я размышлял, Елизавета Львовна, что, наверное, непросто было достать живые орхидеи в это время года.

– О, тоже подозреваю, что отыскать такие было ох как не просто! – со смехом встрял Лизин отец – да подмигнул Алексу, будто что-то имел в виду, а затем продолжил: – Но Лизе, по счастью, цветочки достались легко: очаровательную коробку принесли к нам на дом нынче утром.

Матушка легонько задела его носком туфли под столом, да Алекс не придавал значения.

– Вот как? – изобразил он вежливое удивление.

А Кулагин, хотя шампанского сегодня не пили, веселился все больше и больше:

– Ох и шутник вы, Александр Николаевич! Полно вам! Прислали букет, а теперь смущаете девицу – на Лизе уж лица нет!

Алекс запаниковал, смутно догадываясь, что произошла ошибка.

– Позвольте... я прислал? С чего бы мне посылать Лизе цветы?

Матушка второй раз задела его носком туфли – уже настойчивей, а Лиза и правда менялась в лице: на ее бледных щеках даже стал прорезаться румянец.

А потом она опять резко побледнела. Потому что ее отец прекратил веселиться и вперил в нее тяжелый взгляд:

– Я что-то не пойму, так от кого цветы? Ты солгала мне, Елизавета?

В какой-то момент Алексу показалось, что та сейчас разрыдается.

– Так вы присылали цветы или нет, Александр Николаич? – спросил Кулагин у Алекса уже без обиняков.

Алекс поглядел на матушку. Потом на Лизу. Такой он ее никогда не видел – пожалуй, ему даже стало ее жаль. Особенно жаль оттого, что цветы, похоже, прислала его матушка – судя по ее настойчивым взглядам и пинкам под столом. Заморочила девушке голову и заставила питать нелепые надежды в отношении его.

Он покачал головой, искренне жалея глупую Лизу, и – солгал.

– Присылал, – выдавил через силу. – Елизавета Львовна, это действительно был я... право, не думал, что у вас будут сомнения на сей счет.

– Так у нас и не было! – опять встрял Кулагин, но теперь уже с добродушной ворчливостью в тоне. – Не было – покуда вы, Александр Николаич, шутки ваши столичные не принялись шутить!

Кулагин поверил, но по-прежнему легким вечер от этого не сделался. Лиза, ни разу более не поднявшая на Алекса глаз, при первой же возможности уговорила отца, что уже поздно и им пора.

С тем гости и ушли, слава богу.

Матушка же, вместо того чтоб признать вину и хоть сколько-нибудь объясниться, тотчас набросилась с упреками, из которых следовало, что она святая благодетельница, а он неблагодарный сын, который чуть было не поставил ее в неловкое положение перед дорогой Лизонькой и уважаемым Кулагиным...

Словом, все как обычно.

С того часа, как очнулся в клинике Алифанова, Алекс избегал оставаться один. И все же пребывать в обществе матери было еще хуже. Ладно бы она смотрела укоризненно или изводила ледяным молчанием – но нет, матушка предпочитала снова и снова упрекать его да жаловаться. Покуда Алекс не схватил пальто и бросился вон из дому.

Первым порывом было поехать к Кошкину, да минутой позже он счел это невежливым – врываться без приглашения на ночь глядя. Так и остался на набережной через улицу от дедова особняка, который, похоже, так и не станет принадлежать ему...

Обозлившись на единственного внука, Аркадий Доронин все-таки не нашел в себе сил лишить его наследства вовсе: природное скупердяйство помешало перечислить все средства сиротскому приюту или госпиталю. Однако он сумел сделать так, чтобы Алексу жизнь медом не казалась. Согласно завещанию, тот мог бы претендовать на наследство лишь после того, как вступит в законный, освященный церковью брак.

Да, о его романе с Милли дед, разумеется, знал. Да все, кто хотя бы раз бывал в столице, о нем знали – Алекс не тайлся! И раз Милли всего лишь театральная певица, о которой ходили бог знает какие слухи и которая, по мнению ханжеского большинства, совершенно не подходила для законного брака, дед надеялся, что Алекс наступит себе на горло, оставит Милли и женится на какой-нибудь подходящей девушке вроде Лизы Кулагиной.

Дед собирался заставить его сделать тяжкий выбор и признать-таки, что в нем гораздо больше от прижимистых купцов Дорониных, чем от легкомысленных дворян Риттеров.

* * *

Уже давно стемнело, и на небосводе то там, то здесь ярко загорались звезды. Как назло, даже прохожих не было в этот час. Во всей округе, кажется, поселилась мертвая тишина...

Алекс, тяжело опершись на ограду набережной, вглядывался в замерзшую реку и больше всего на свете не желал оборачиваться. Снова он чувствовал на своей спине долгий, молящий взгляд. Почему она ходит за ним? Чего хочет?! Ежели она и впрямь призрак, то помочь он ей точно не в состоянии!

И все-таки скрип снега за спиной становился все более и более отчетливым. Алекс даже слышал уже легкое дыхание и шорох женских юбок. Не оборачиваться! Ни за что не оборачиваться!

– Алекс!..

Голос Лизы Кулагиной все-таки заставил его вздрогнуть. Алекс живо выругал самого себя – и все-таки обернулся.

Усадьба горного инженера и нынешнего градоначальника Кулагина находилась по соседству с дедовым особняком, дальше по набережной: Лиза наверняка увидела его в окно. А Лиза – барышня деятельная, после давешнего разговора следовало ждать, что она захочет объясниться.

Впрочем, сейчас она решительной не показалась.

– Вижу, от орхидей вы все-таки избавились? – поинтересовался Алекс, стараясь казаться насмешливым.

Лиза даже головного убора не надела, куталась в меховую шубку. Неужто так торопилась поговорить?

– Не следовало и вовсе их трогать, да батюшка настоял. Я с самого начала знала, что это не вы цветы послали.

– Знали? – изумился Алекс.

С ответом Лиза помедлила, подбирая слова:

– К цветам письмо прилагалось, убористо подписанное. А ваша правая рука... Словом, я знала, что это ваша мать. Но речь не о том.

Алекс дернулся, убрал искалеченную руку за спину, снова и снова проклиная себя, но Лиза, слава богу, на него и не смотрела. Глаза ее (все еще без пенсне) беспокойно метались, пальцы трепали мех на отвороте рукава.

– Я хотела вас поблагодарить, Алекс, что солгали отцу насчет цветов. Он бы не понял.

– Не стоит. Право, я теперь чувствую себя обязанным послать вам эти орхидеи.

Лиза улыбнулась. Не кротко и мило, как улыбаются хорошенькие девушки, а так, будто задумала какую-то дерзость. А с Лизой никогда нельзя было угадать, что она задумала.

– Мне жаль, Алекс, но, наверное, теперь вы почувствуете себя еще более неловко, – предупредила она. – Только не фантазируйте, прошу, вы меня ни капельки не интересуете. Ни в каком виде.

– Поверьте, это взаимно, – отозвался Алекс. Он даже рад был, что они наконец все разъяснили.

Лиза кивнула:

– Отлично. Если бы вы питали ко мне чувства, я бы ни за что этого не предложила. Заставлять кого-то надеяться понапрасну – мерзко, на мой взгляд.

От волнения она уже вырывала целые пучки меха из своего рукава.

– Что же вы хотите мне предложить? – насторожился Алекс.

Лиза выдохнула, будто собиралась прыгнуть в ледяную воду:

– Женитесь на мне.

Где-то на другом берегу Исети протяжно взвыла собака.

– Простите, что? – Алекс очень надеялся, что ослышался.

– Вы слышали, – ровно ответила Лиза. Ее обычно бледные щеки горели ярким румянцем, и она наклоняла голову все ниже, чтобы это скрыть. – Обойдусь без обручального кольца, но вы должны сделать все по правилам: сообщить моему отцу, подать объявление в газету... или как там это делается?

Алекс пораженно молчал, так что Лиза бросила на него короткий взгляд, убеждаясь, что он все-таки слушает. Заправила прядь волос за ухо и так же ровно продолжила:

– Все дело в том, что нынче утром моей руки просил один крайне неприятный мне человек. Отвратительный мне человек! Но он богат, его отец дружен с моим отцом. Я очень боюсь, Алекс, что батюшка отдаст меня замуж.

– И поэтому вы желаете пойти замуж за меня? – уточнил Алекс.

– Да, – с готовностью кивнула Лиза. – По крайней мере, вы мне не отвратительны.

– Приятно слышать, – хмыкнул Алекс. Ситуация начала его забавлять.

Но Лиза этого не замечала, отчаянно краснея, она говорила и говорила:

– Не настолько отвратительны, как Гаврюшин, если точнее. А сегодня за обедом я к тому же убедилась, что с вами можно иметь дело. Вы на редкость инфантильны для мужчины ваших лет, но вы порядочны и не злопамятливы, а эти качества я встречаю в людях не очень-то часто. Ну и, думаю, не стоит вам объяснять, что брак будет фиктивным – выгодным нам обоим. Я знаю о завещании вашего деда, Алекс, и знаю, что вам непременно нужна невеста. Как можно скорее нужна – матушка ваша привыкла жить на широкую ногу, и очень скоро вы влезете в долги, избавиться от которых без наследства вашего деда не сумеете. А партии лучше меня вам не найти. Вы и сами это знаете. – Только теперь Лиза перевела дух. И закончила свою речь самым веским аргументом: – К тому же, Алекс, я нравлюсь вашей матушке.

Алекс думал, разумеется, о женитьбе на Лизе и раньше, так что его больше удивила неподобающая искренность девушки, чем сама эта идея. Но жениться ради дедова наследства? Ну уж нет! Над приятелями, поступающими так, он совсем еще недавно подшучивал самыми изощренными способами...

– По-вашему, этого достаточно? – поинтересовался тогда он. – Чтобы вы нравились моей матери, а я вашему отцу? Ах да, я ведь хоть и инфантилен, но вам не отвратителен – это уже кое-что.

Желая смутить девчонку, Алекс приблизился, навис над ней и даже позволил себе коснуться своими искалеченными пальцами ее нежной, как персик, щеки.

К ее чести, Лиза не отшатнулась и тогда. Разве что совсем не нежно оттолкнула его руку, вскинула горящие глаза и заявила:

– Об этом и не мечтайте! Я же сказала, что наш брак – чистая фикция. Вы получите наследство, вернетесь в Петербург и станете там жить прежней жизнью – я слова вам не скажу!

– А вы?

– Разумеется, я останусь здесь. Но папенька теперь будет спокоен за мое будущее и, главное, не сможет мне помешать заниматься тем, чем я задумала!

– Что же вы задумали?

– Вас это не касается, – отрезала Лиза. – Лучше поразмыслите о том, что без меня вам наследства не получить! После всего, что случилось в Петербурге, едва ли хоть одна девушка из приличной семьи выйдет за вас. Вам останется разве что вашей певице замужество предложить!

Лиза, кажется, сразу пожалела, что сказала это. Но было поздно.

– Она не моя. – Алексу пришлось сделать усилие, чтобы голос звучал спокойно. Так, будто ему все равно. – И она была первой и единственной, кому я предложил стать моей женой.

Лиза действительно жалела о сказанном: ее обычно бледные щеки горели так, будто она окунулась лицом в коробку с румянами. Но из всех сил храбрилась. Отвести свои близорукие глаза она все-таки себе не позволила и даже хмыкнула с наигранным легкомыслием:

– Ну простите, Алекс! Вот уж не думала, что для вас эта тема до сих пор болезненна.

Она разве что вслух не назвала его жалким размазней. А хуже всего, что именно таким Алекс себя и чувствовал. И сказал бы себе то же самое – если б поглядел со стороны.

– Идите домой, Лиза, – ответил ей Алекс, невольно отводя глаза. – Батюшка ваш человек на редкость добросердечный. Раз столько лет терпит вас и все еще не отправил в монастырь. За плохого человека он вас не выдаст, не переживайте.

– Ах так? – Лиза сурово поджала губы. Отвела взгляд и нервно забарабанила пальцами по истерзанному отвороту рукава, явно обдумывая очередную безумную выходку. Выдала наконец: – Что ж, это и к лучшему. Без вас обойдусь!

– Не сомневаюсь, – отозвался Алекс, но Лиза уже не слышала – гордо удалялась к воротам отцовского особняка.

Глава 4. Кошкин

Павлин-павлин... что ж за павлин такой? Кошкин чертыхнулся, сам себя поправляя: не павлин – а жар-птица. Потому что «...знать не знаю, какой такой павлин – жар-птица энтю, как в сказке про Ивана-дурака. И хохолок у ней, и хвост красный, огненный...»

Уж сутки прошли, а Кошкин все ломал голову, откуда он помнил павлина. Тьфу ты! Жар-птицу! И фраза эта про огненный хвост засела у него в голове именно такой, будто прочел он ее – слово в слово. Только где прочел? Он сказок-то с малолетства не читал. Какие уж там сказки, ежели он последние полтора года вообще ничего не читал, кроме показаний свидетельских да уголовных...

Кошкин откинулся на спинку стула и потер переносицу: распустил он себя. Так и свихнуться недолго. И сам себе поклялся, что завтра же пойдет и запишется в библиотеку. Хорошо б еще там, в библиотеке, была доска шахматная: когда-то давно, почти что в прошлой жизни, граф Шувалов, которого Кошкин тогда считал наставником, говорил, что он недурно играет в шахматы...

Но потом Кошкин уныло поглядел на рабочий стол, заваленный свидетельскими показаниями, на допотопный, чуть живой «Ремингтон»² – и понял, что никакой библиотеки завтра не будет. В конце месяца приезжает начальство из губернской Перми, и Образцов, помощник полицмейстера и непосредственный руководитель Кошкина, требовал, чтобы все рукописные показания за последние два года непременно были отпечатаны на «Ремингтоне». Предписание некое из столицы пришло, так что умри, но сделай.

Тупая работа, нудная, никому не нужная. Но Кошкин давно уже понял, что Образцову важней, как оформлено дело, чем то, как оно расследуется и расследуется ли вообще. Образцов спит и видит в Пермь перебраться, а то и куда повыше, так что...

Так что, смирившись, Кошкин вернулся к бумагам и даже успел перепечатать еще два дела от корки до корки, прежде чем вновь задумался – откуда, черт подери, он помнит жар-птицу?

Он определенно прочел эту фразу, а не услышал – но звучала она не по-книжному. Коряво звучала, косноязычно, будто... будто он ее в тех свидетельских показаниях и прочел!

Кошкина осенило, и он буквально подпрыгнул на месте: бросился ворошить показания в поисках того самого. Среди вновь отпечатанных его не было, это точно, так что Кошкин помчался в архив и проторчал там до сумерек – но нашел. Действительно нашел то самое дело, где упоминался женский гребень для волос, изображающий жар-птицу.

Он читал эту бумагу единственный раз, когда полтора года назад заступил на должность и принимал «перешедшие по наследству» дела, заявления, служебные записки.

«...Заявительница заявила, – было написано рукой предшествовавшего Кошкину надзирателя по фамилии Петухов, – что знать не знает, какой такой павлин, что энтю жар-птица, как в сказке про Ивана-дурака. Заявительница опознала жар-птицу по хохолку и красному огненному хвосту...»

Заявление подавала три года назад некая Ульяна Титова, работница при церковной школе, – о пропаже дочери. Жар-птицы документ касался лишь косвенно: закладка принадлежала пропавшей, вместе с нею и исчезла.

В августе 1890-го заявление было подано; в сентябре Ульяна Титова приходила и интересовалась ходом расследования, в октябре тоже приходила, и в ноябре, и в декабре... А 31 декабря, в крайний срок сдачи отчетностей, пропавшая Мария Титова, незамужняя девица

² Марка печатной машинки.

двадцати трех лет, учительница заводской школы, официально была признана сбежавшей с любовником. Дело закрыли.

* * *

Час стоял поздний, давно погасли окна в низеньком деревянном домишке по Вознесенской улице, где расположилась 2-я полицейская часть, – кажется, один Кошкин оставался еще на рабочем месте. Сдвинув все прочие бумаги на край стола, он с большой дотошностью (спасибо Образцову) составлял документ для возобновления расследования – в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

На завтра же, к половине одиннадцатого, когда Образцов прибывал на службу, Кошкин уже дожидался его в приемной. Чисто выбритый, в отглаженном мундире, с солидной кожаной папкой, с которой ходил «на ковер» еще к графу Шувалову. Несчастливая это была папка... но Кошкин решил не быть суеверным.

– Я к вам по важному делу, Павел Петрович, – заранее оповестил Кошкин, вытянувшись по стойке «смирно».

– Вижу, что по важному, – недобро окинул его взглядом Образцов. – Садитесь, Кошкин. До чего ж погода др-р-рянная стоит! И когда только снег этот кончится?! Вы не знаете, Кошкин?

– Не имею чести знать, Павел Петрович.

На предложенное место Кошкин не сел, упрямо держал перед собою папку, пока Образцов не вздохнул:

– Что там еще у вас?

Только тогда Кошкин и присел, расстегнул папку, подал с учтивым поклоном Образцову подшивку документов – старых и новых. А после наблюдал: чем более Образцов погружался в текст, тем плотнее сходились над переносицей его брови.

Павел Петрович Образцов к своим сорока пяти годам мог сказать, что карьера его сложилась лучшим образом. В уездном Екатеринбурге своего полицмейстера не было – из Перми помощником назначили Образцова, так что высшей власти в городе, пожалуй, и не сыскать. С Кулагиным Образцов был на короткой ноге, в молодости, говорят, они даже приятельствовало крепко – так что поддержка Образцова была всесторонней. Нажалуйся кулагинская дочка на Кошкина папеньке – тому и впрямь пришлось бы туго... Но барышня, кажется, угрозы не сдержала.

Читал Образцов на удивление вдумчиво и внимательно. Кошкин уж было воодушевился... Рано. Дочитав, Образцов озадаченно крякнул, нахмурился чернее тучи и взялся читать заново.

«Ищет, к чему придраться», – сообразил Кошкин.

Но решил твердо стоять на своем. Ему до смерти было жаль Ульяну Титову, до сих пор, вероятно, не знающую, что случилось с дочерью.

– Мне нужны люди, – твердо заговорил Кошкин. – Двое, а лучше трое. Отыскать тело в лесу, вновь опросить мать Титовой, подруг, прочих свидетелей. Три года прошло – это не так много покамест.

Кошкин еще не договорил, а Образцов уже отрицательно мотал головой:

– Нет уж... Год едва начался, а вы уже собрались показатели мне испортить? Заколку похожую кто-то там нашел... всего-то! Не мне вас учить, Кошкин, сами знаете – ничего это не доказывает. На вашем месте я бы лучше за этого столичного покрепче взялся. Откуда у него заколка пропавшей девицы? Да и вообще – он кто такой этот Риттер, штабс-капитан? Зачем явился?

– Заколку нашел Александр Риттер, – по форме ответил Кошкин. – В городе всего пару недель, приехал по делам наследства. Аркадий Доронин, промышленник, приходится ему родным дедом.

– О том и речь, – мрачно отозвался Образцов, выдавая, что он прекрасно осведомлен, кто такие Алекс Риттер и тем более его дед. Но после откинулся в кресле, заговорил мягче, хоть все еще и следил за Кошкиным с недобрым прищуром: – Промышленника Доронина я знал – как не знать его?.. Тот еще жук. Хватка как у бульдога. А вот внук его... дед уже два года как в земле, а он только опомнился? Наследства захотелось – мигом тут как тут. Распродаст рудники, завод бог знает кому, а сам опять в столицу укатит, очередное наследство прогуливать. Уж знаю я о его подвигах, поверьте. Доронин потому и завещание составил хитро, чтобы только женатым его внук смог наследство заполучить. Так хоть какая-то гарантия есть, что не все до последней копейки пропадет.

Но этот монолог теперь уж Кошкин слушал недоверчиво.

– Риттер вроде на столичного повесу не похож... – возразил он слабо.

И сам себя одернул: да что он знает, в сущности, о Риттере?

Образцов же его и не слушал более, он для себя все решил. Лениво ткнул пальцем в кипу бумаг:

– Вы и сами, Кошкин, сообщаете, что предыдущий полицейский надзиратель выявил, что девица эта, Титова, сбежала от матери с любовником. Так о чем речь теперь? Или вы сомневаетесь в профессионализме своего предшественника?

– Это того, который пьяным до дому не дошел – уснул на морозе под крыльцом с ключами в руках?

Образцов поглядел волком:

– А это значения не имеет, Степан Егорыч. Вы текущими делами занимайтесь – а смуту мне тут наводить и ребятишек моих порочить не вздумайте!

Не поднимаясь с места, Образцов демонстративно засунул подшивку с документами по делу девицы Титовой в мусорную корзину.

* * *

Буран то затихал ненадолго, то принимался с новой, неистовой силой. Следовало возвращаться в полицейскую часть на Вознесенской, где ждали натопленная комната, горячий чай и кипа бумажной работы, которую хочешь не хочешь, а выполнять придется... Кошкин же будто нарочно шел против ветра: повыше задрал отвороты шинели и сквозь снег продирался вдоль набережной городского пруда. Шел встретиться с Риттером.

В прямом подчинении у Кошкина было четверо городских, и, хотя у них своей работы хватало, он мог бы надавить, заставить заниматься делом Титовой... Правда, те скорее всего уже назавтра бы побежали жаловаться Образцову: ни дружеских, ни приятельских отношений за полтора года службы Кошкин так ни с кем и не завел. А зачем явился нынче к Риттеру, тоже толком сказать не мог... Но тот ему обрадовался, пригласил войти скорее и подняться в бывший кабинет Аркадия Доронина, где ныне проводил время сам Алекс.

До кабинета не позволила дойти матушка Риттера, Софья Аркадьевна: хоть и виделись они всего единожды, она его узнала, была любезна (Кошкину даже показалось, что чересчур) и потребовала с нею отобедать. А когда Кошкин отказался наотрез, ссылаясь на занятость, вынудила-таки посидеть с нею в гостиной и развлечь разговором.

– А вы давно ли, дорогой Степан Егорович, знакомы с доктором Алифановым? – поинтересовалась Софья Аркадьевна. Отобрала у горничной чайник да сама, несмотря на протесты, налила ему чаю.

Риттер, хмуро поглядывая на мать, выхаживал по гостинной, и по всему было видно, что надеялся покинуть дом чем скорее, тем лучше.

– Уж полтора года как, – вежливо отозвался Кошкин. – Но исключительно по рабочим делам. Владимир Андреевич, видите ли, человек чрезвычайно занятой.

– Однако ж в доме у него вы бывали, с супругою и детками знакомы?

– Бывал, – признался Кошкин, не понимая, к чему она клонит.

А Софья Аркадьевна даже лицом просияла:

– Ох, как чудесно! Владимир Андреевич человек такой обходительный, галантный. Состоятельный, должно быть?

– Право, я о том не осведомлен...

– Да, конечно, состоятельный – тут и гадать нечего! А дочка у него прехорошенькая, *charmante*³! Вы, случаем, не знаете, Степан Егорович, за ней приданое большое ли дают?

– Матушка! – взмолился за спиной у нее Алекс, смущенный до крайности. – Уймись, ей-богу!

Но и мать в долгу не осталась, тихо, но твердо потребовала:

– Алекс! Дай мне, наконец, спокойно поговорить с гостем!

Беззвучно чертыхнувшись, Алекс ураганом покинул гостиную. Но вернулся меньше чем через минуту: всем своим видом просил у Кошкина прощения за семейную сцену.

Кошкин же ему посочувствовал. Должно быть, это правда – и насчет мудреного завешания деда, и насчет срочных поисков невесты.

– Я совершенно точно могу вам сказать, Софья Аркадьевна, – отвечал ей Кошкин, – что за Ириной Владимировной приданого не дают. Потому как она замужем.

– О... – только и сумела вымолвить мадам Риттер, недоверчиво глядя на Кошкина ясными, как у девушки, глазами. – Но, позвольте, как же? Я слышала, Ирина Владимировна живет в отчем доме и... – губы ее дрогнули, прежде чем она произнесла это страшное слово: – работает.

– Совершенно верно, – учтиво поклонился Кошкин. – Кроме того, Ирина Владимировна окончила женские курсы и собирается начать бракоразводный процесс.

– Какой ужас... – не сдержалась Софья Аркадьевна. – Жаль, очень жаль... Бедную девушку, разумеется, жаль – столько хлопот.

Кошкин уж подумал, что Ирину Владимировну теперь оставят в покое, ибо женить единственного сына, отпрыска дворянской фамилии, на разведенной женщине – не комильфо даже для дам куда менее чопорных, чем госпожа Риттер.

Но он Софью Аркадьевну недооценил.

– А вы не знаете, Степан Егорович, – еще немного подумав, спросил она, – бракоразводные процессы долго ли тянутся?

– Матушка! – снова зашелся Алекс.

– Не имею чести знать, – ровно, даже чуть с сожалением, ответил Кошкин. И черт его дернул добавить легкомысленно: – Пожалуй, Ирина Владимировна может еще и помириться с супругом. Он вслед за нею в Екатеринбург приехал и ежедневно караулит возле клиники.

– Жаль, очень жаль... – снова расстроилась мадам Риттер. И снова же опомнилась: – Вернее, я всем сердцем надеюсь, конечно же, что так оно и будет. Милые бранятся – только тешатся...

Впрочем, было видно, что в Кошкине как в свахе она уже разочаровалась и не имела больше желания угощать его чаем. Великодушно позволила и ему, и сыну покинуть дом.

Что ж, по крайней мере, Кошкин понял, отчего Алексу не сидится дома.

³ Очаровательная (*фр.*).

– Простите за это все, Степан... – первым делом заговорил Риттер, покуда они шагали без определенной цели вдоль ограды соседского особняка. – С матушкой совершенно невозможно иметь дело в последние дни. Ей-богу, вот-вот она примется цыганок с паперти за меня сватать.

Кошкин хмыкнул, но развивать тему посчитал бестактным – предпочел ее сменить:

– Я к вам, видите ли, по делу, Алекс. Та заколка все еще у вас?

– Разумеется. Желаете забрать?

Он с готовностью, будто только этого и ждал, вынул ее из внутреннего кармана.

– Нет-нет, покамест пусть у вас остается. Быть может, вам будет любопытно знать, что описание крайне похожей заколки я видел в одном деле в полицейском архиве. Об исчезновении девушки три года назад.

Алекс остановился. О да, ему и впрямь было важно это знать.

– Так заколка принадлежит той девушке? – взволнованно спросил он. – Беловолосой, в платье с цветами?

– Право, не знаю – я не видел еще ее фотокарточки. Для этого нужно опрашивать мать той девушки, а я не хотел бы ее волновать понапрасну. Сперва следует убедиться, что... словом, что эта девушка действительно мертва.

Алекс рассеянно кивнул:

– Полагаете, ее убили там, в лесу, где я нашел заколку?

– Я не говорил, что ее убили, – поторопился заметить Кошкин. – Она могла заблудиться так же, как и вы... замерзнуть. – Но тут же себя одернул: девица Титова пропала в августе.

Странно это было, но Риттер с ним почему-то не согласился. Не ответил ничего, но хмуро, сосредоточенно поглядел вдаль, куда-то выше замерзшей Исети.

«Любопытно, – подумал Кошкин, – Алекс и впрямь видел призрак беловолосой девицы?»

Сам Кошкин в подобную чертовщину не то чтоб не верил – старался о ней не задумываться. Если обо всем этом думать, то и рехнуться недолго. Однако на службе бывало разное. И некоторые совпадения кроме как мистикой вовсе нечем объяснить. Хотя бы даже заколку эту, что нетронутой пролежала в лесу три года.

Он признал:

– Могли и убить ее, конечно: Екатеринбург только с виду тихий. Здесь заводы, рудники, деньги немалые крутятся. А где деньги, там и уголовщина всех калибров... Покамест неизвестно даже, была ли хозяйка сей заколки в том лесу. Однако если была, то следы должны остаться. Личные вещи, одежда, кости. Главное, знать, где искать, – за этим, собственно, я к вам и обратился.

– Это было в Шарташском лесу, – отозвался Риттер. – Однако тот самый пригорок я сроду не найду. Если только Виктор Алифанов мне поможет.

Кошкин согласно кивнул:

– Вы прокатитесь со мною в клинику Алифанова?

– Едва ли вы в такой час застанете Виктора в клинике, – почему-то усмехнулся Алекс. – Вчерашним вечером у него были большие планы...

И Алекс вдруг замолчал на полуслове – так, будто снова увидел призрака, глядел сквозь решетку, в парк к соседям. Кошкин сперва не понял ничего. Проследил за его взором, но увидел только беседку, сквозь резные стенки которой слабо угадывались очертания фигур – мужской и женской. Сплетенных в нежнейших объятиях.

Ежели нарочно заглядывать в чужие парки, то можно еще не то увидеть – но Алекс вдруг будто с цепи сорвался. Бросился к воротам. Запертым, но его это не остановило. Он бы с петель те ворота сорвал, наверное. А уж когда Риттер ворвался в парк и размашистым шагом направился к той самой беседке, Кошкин в самом деле растерялся. До смертоубийства б не дошло...

Глава 5. Лиза

В эту ночь Лиза почти не спала. Бродила по спальне, замучила горничную, раз пять порывалась то написать Алексу злобное письмо, то, напротив, записку с извинениями. Напрасно она вспомнила эту безголосую певицу... Лизе вовсе не хотелось обижать Алекса – само как-то вышло. Однако ж слова извинения не хотели ложиться на бумагу, и Лиза пообещала себе, что напишет письмо утром. С тем и уснула.

А проснувшись, поняла, что волна совершенно искренней ярости к Алексу захлестнула ее с новой силой. Жалкий безвольный слизняк! Как можно любить женщину, которая тебя отвергла?! Совершенно невозможно! Это его даже роднит с Гаврюшиным! И такого мужа желает ей отец?! Надеется, что этот слизняк, Алекс Риттер, защитит ее, случись что? Ежели отец и правда так думает, то ему нужно немедленно оставить служебные дела и выращивать помидоры в приусадебном парке, как прочие благородные старцы, ибо решения он принимает в корне неправильные!

Встав чуть свет, Лиза растолкала горничную и велела немедленно нести ей письменные принадлежности. Но села писать не Алексу, и не отцу, и даже не Гаврюшину. Лиза написала короткую записку Виктору Алифанову и просила его приехать немедленно. А после переделалась в легкомысленное утреннее платье и села к окошку дожидаться.

Виктор был единственным, кого Лиза могла бы назвать другом. Они были откровенны, честны меж собой – Виктор понимал ее с полуслова, в конце концов! Лиза даже знала, что Виктор влюблялся довольно часто, но, сколь бы ни была хорошенькой очередная его зазноба, он никогда не сох по ней дольше недели. По мнению Лизы, Виктор не был очень уж привлекателен внешне, но та легкость, с которой он шагал по жизни, молодецкий задор, обволакивающий бархатный баритон, которым он пел цыганские романсы под гитару, – все это заставляло девиц (да и дамочек в возрасте) влюбляться в него без оглядки.

Пожалуй, что и сама Лиза не была исключением... Виктор нравился ей, определенно нравился. Особенно четко она поняла это, когда ее сердце радостно затрепетало, едва его сани показали под окошком особняка. Лиза тотчас бросилась встречать гостя.

– Лизонька, что стряслось? Вы плакали? – спросил он первым делом.

– Все плохо, Витя, очень плохо.

Лиза всхлипнула и по-своему обняла его, уткнулась носом в плечо. Виктор напрягся:

– Батюшка ваш дома ли?

– Нет... вы проходите, Витя, я велю немедленно принести кофе – вы, должно быть, и не завтракали.

– Это было бы кстати...

– А впрочем, нет, не раздевайтесь – лучше прогуляемся.

Виктор не очень-то обрадовался необходимости снова идти на мороз, но мужчины, дети, собаки и даже иногда кошки слушались Лизу беспрекословно. За исключением, правда, особенно мерзких индивидов вроде Алекса Риттера! Но Виктор к последним не относился, поэтому снова натянул пальто, взял трость и вслед за Лизой отправился гулять в парк.

Впрочем, здесь мыслям о ненавистном Риттере и вовсе было раздолье: парк, вытянутый по форме, простирался вдоль Гимназической набережной и решетчатым ограждением упирался аккуратно в стену доронинского особняка, где Риттер теперь и обосновался. Повезло же им с папенькой с соседями! Летом от них можно было хотя бы отгородиться высокими раскидистыми яблонями, но сейчас, в феврале, голые деревья выставляли все как на ладони.

Лиза уцепилась за плечо Виктора Алифанова, вещающего о каких-то светских новостях, хмуро глядела на окна доронинского особняка и думала о своем.

– Вы знаете что-нибудь о младшем Гаврюшине, Витя? – спросила Лиза, перебив Виктора на полуслове. – Он, кажется, в Казанском университете учился, как и вы?

– Да, и впрямь учился, – согласился Виктор, легко перепрыгивая на новую тему. – Забавно, я прежде о том и не задумывался! Да что о нем рассказать... Батюшка его, Иван Ефимович, богатый купец из кержаков⁴. Гласный, однако в городском собрании не часто его увидишь – все в делах да в разъездах. А еще, я слышал, метит он на место городского головы, когда...

Виктор смутился, а Лиза нетерпеливо закончила сама:

– Когда мой папенька в отставку выйдет. Это я тоже слышала – да не о том, Витя, я вас спрашиваю! Не про отца, а про самого Кирилла Ивановича расскажите. Что он за человек? Тоже ходит в это ваше варьете?

Виктор хохотнул, воровато оглядываясь по сторонам, но, когда убедился, что с Лизой они одни, не смущаясь, поделился:

– Ох и нравитесь вы мне, Лизонька, вашей прямою! А что до Гаврюшина: нет, пожалуй, в подобных местах я его ни разу не видел. А впрочем, тихий он, незаметный, о нем и сказать нечего. Учился не на медицинском, а то ли на юриста, то ли на лингвиста... плохого о нем не слышал. Как, впрочем, и хорошего, любезная моя Лизонька. Нынче Гаврюшин папеньке в купеческом деле помогает. Хотя пару лет назад, я слышал, уезжал куда-то, а вернулся вот только, незадолго до Рождества.

– Вскоре после меня он вернулся, – раздраженно, злясь на Гаврюшина, подсказала Лиза. – И ездил за мною, в Петербург. В тех же самых местах появлялся, что и мы с тетей.

– Вот как?..

Лиза скосила глаза на его лицо, и ей показалось, что обычно беспечный Виктор чуть напрягся. Даже свел брови над переносицей. Никаких особенных намеков он прежде ей не делал, но... вдруг ему не все равно?

И тогда Лиза решила признаться:

– Вчера Кирилл Гаврюшин просил моей руки. У отца. И батюшка заявил мне, что согласится.

Виктор воззрился на нее, не зная, что и сказать...

– Пойдемте сядем, – сказала за него Лиза.

Парковая дорожка упиралась в резную беседку. Лиза всегда любила это место: в детстве играла здесь в куклы с нянюшками, в юности читала книги и готовилась к занятиям на курсах. Позже, когда папенька посвятил ее в некоторые городские дела, касающиеся благотворительности, изучала здесь документы и постановления...

Виктор нередко бывал с нею в этой беседке, но столь откровенный разговор меж ними случился впервые.

Лиза смотрела в его лицо – простое, знакомое до самой последней точки на радужке голубых глаз. Она знала, что из Виктора вышел бы отвратительный муж... вероятно, еще хуже, чем даже из Гаврюшина. Но если бы он предложил ей что-то подобное – она бы согласилась не раздумывая.

Только он не предложит.

Когда-нибудь, лет через пять или даже десять, когда его батюшка подыщет ему подходящую невесту, он, может, и женится. Но не раньше. И не на ней.

– Да полно вам, Витя, скажите хоть что-нибудь! – Лиза вдруг рассмеялась немного натянуто и взлохматила его мягкие светлые кудри.

– Что тут скажешь... Вы любите Гаврюшина?

Лиза снова рассмеялась:

⁴ Другое название староверов.

– Разумеется, нет!

А потом, будто что-то толкнуло ее, она подалась вперед. К Виктору, к его губам. Замерла, почти коснувшись их, чувствуя его тепло и то, как смешиваются их дыхания, – и ждала, что главный шаг сделает все-таки он.

Не дождалась.

Виктор не шевелился и будто обмер от страха.

Тогда Лиза, хмыкнув, поцеловала его сама. Закинула руки ему на плечи и с удовольствием почувствовала, что Виктор все-таки обнял ее, крепко прижал к себе и целовал теперь довольно напористо, горячо и страстно. Даже забыл, как обычно, воровато оглянуться по сторонам.

Напрасно в этот раз... потому что и минуты не прошло, как Лиза услышала совсем рядом посторонние шаги – тяжелые и размашистые. А мигом позже через плечо Виктора увидела ворвавшегося в беседку Алекса Риттера, глаза которого метали молнии.

Ей показалось, Риттер с разбегу отшвырнул бы Витю в сторону... не отпрыгни она от него сама.

– Я... я не ждала вас, Алекс... Вы к папеньке? – растерявшись вконец, бормотала Лиза.

И, взглянув на его покалеченную руку, внезапно, будто осенило, она поняла, как и при каких обстоятельствах он получил ранение... Он же стрелялся из-за этой певицы! И один бог знает, на что еще способен, ежели его разозлить.

– Я не к вашему папеньке, Елизавета Львовна. Я к вам. Могу я поговорить с вами? – На Виктора он не взглянул, но требовательно добавил: – Наедине.

Лизе в этот раз и в голову не пришло спорить. Она уж хотела пригласить Алекса в дом, но Виктор сам ретировался, коротко распрощавшись. Так легко бросил ее одну – на растерзание, что какие-либо слова здесь излишни...

В горле стоял ком из слез и жалости к самой себе, пока она смотрела на его удаляющуюся спину. И нутром чувствовала, как Алекс глядит на нее с неутрачиваемым негодованием.

– Так вот какой женой вы намереваетесь быть?! – наконец взорвался он. – Сегодня обручиться – а завтра вытворять бог знает что бог знает с кем?! Благодарю покорно, что я узнал о вас все заранее!

Последнего Лиза не стерпела, вспыхнула, как спичка:

– Позвольте, мы не обручены, так что сбавьте ваш пыл! Вчера я открыла вам душу! Выложила все как есть – и что вы мне на это ответили? Отчитали, как гимназистку, и посоветовали надеяться на милость батюшки!

– И вы, не теряя времени, решили попытать счастья с Алифановым!.. – саркастично заметил Алекс. И продолжил отповедь: – Виктор молод, у него ветер в голове и нет ни гроша за душой. Он будет вам отвратительным мужем!

– Это я знаю и без вас! Не беспокойтесь за вашего Виктора: я не собираюсь за него замуж, и в мыслях не было...

«Даже если и было, – закончила она про себя, – Виктора я не интересую. В качестве супруги, по крайней мере, – нынче он прекрасно это доказал...»

И от этих мыслей Лизе вдруг стало так жаль себя, так стыдно за устроенный непонятно к чему спектакль, что она почувствовала, как ком из слез и жалости вот-вот вырвется наружу.

«Господи, лишь бы не разрыдаться», – твердила она сама себе, и, будто специально, Алекс тотчас заметил ее увлажнившиеся глаза.

– Вы что – плачете?.. – то ли растерялся, то ли разозлился он. – Боже мой, немедленно прекратите, Лиза! Может, я и был груб с вами – простите, ежели обидел... Я лишь хотел сказать, что думал обо всем, что вы мне сказали, – и вчера, и сегодня думал. Вы были искренны, и теперь уж, хочу или нет, я чувствую за вас ответственность. Не могу допустить, чтобы вы натворили глупостей!

– А я и не просила вас ничего такого чувствовать! – вспыхнула было Лиза.

Но Алекс грубо ее оборвал:

– Помолчите, ради бога, хоть минуту! Словом, я думаю, что у нас и правда нет иного выхода, кроме как пожениться. Однако вы должны пообещать: никаких выходок отныне, никакого вранья отцу и, главное, вы более и смотреть не должны в сторону Алифанова. Не щадите вашу репутацию, так пощадите мою!

И замолчал, видимо, чтобы перевести дыхание. Сейчас, пожалуй, Лиза смогла бы договорить, что хотела, только теперь уж слова шли едва-едва.

Алекс Риттер сделал ей предложение? В самом деле? Она добилась чего хотела – и что ж теперь?..

Согласиться? Это бы осчастливило батюшку, дало ей столь долгожданную свободу и навсегда избавило бы от притязаний Гаврюшина. Наверное, стоит согласиться... Однако то, что вчера сгоряча казалось ей таким правильным, сегодня уже вызывало сомнения.

Ведь батюшка и правда не злодей и не отдаст ее замуж против воли.

И этот поцелуй с Витей нешуточно Лизу взбудоражил. Он отвечал ей так пылко... Что, если он тоже влюблен в нее? Что, если он соберет все свое мужество и сделает ей предложение?

Но подумать о том хотя бы мгновение не удалось: Алекс будто дословно знал ее мысли.

– Неужто вы надеетесь, что Алифанов женится на вас? – въедливо спросил он.

– Ничуть! – тотчас возразила Лиза. Больше из своего желания все делать поперек, но тем не менее. А потом уж идти на попятную стало поздно, и она решительно свела брови над переносицей: – Хорошо, я согласна. Но думаю, с объявлением о помолвке можно не торопиться. А батюшке я все скажу сама.

– Нет уж, – возразил Алекс, – вы, Лиза, будете так любезны, что пригласите нас с матушкой нынче на обед... Впрочем, нет, нынче я занят и завтра тоже – лучше в пятницу. Тогда-то мы и объявим о помолвке. И до конца недели я дам объявление в газеты. Что еще... Ах да, кольцо.

По мнению Лизы, это было уже совсем лишнее, учитывая обстоятельства. Однако Алекс растерянно хлопнул себя по карманам, и, ежели бы вдруг вынул настоящее помолвочное кольцо, Лиза бы в самом деле испугалась. Но нет, кольца он не нашел. Тогда стянул с рук перчатки, сунул было их в карман пальто и чертыхнулся: что-то там, внутри кармана, мешало.

А потом Алекс вынул из того кармана заколку. Ту самую. С жар-птицей.

И время для Лизы будто остановилось.

Алексу пришлось тронуть ее за плечо, чтобы она все-таки подняла на него глаза. Потом он неловко вложил ей в ладонь перстень, что прежде носил на мизинце.

– Наденьте, дабы ваш батюшка не подумал, что я снова шучу, – мрачно заметил Алекс. И нахмурился: – Да что с вами?

А Лиза, не удержавшись, потянулась к жар-птице:

– Откуда это у вас?

Тот живо насторожился:

– Нашел случайно – в лесу. Она вам знакома?

– У моей матери была похожая... – смутилась Лиза. – Впрочем, наверное, я обозналась. Это не может быть та самая заколка.

Лиза уже пожалела, что заговорила об этом, тем более что Алекс глядел на нее все более и более настороженно.

– Мы говорили с Кошкиным, полицейским, об этой заколке только что. Он полагает, что хозяйка сего украшения мертва.

И Лиза выдала себя с головой, вздрогнув всем телом. Догадалась сама:

– Он думает, ее убили в том лесу, где вы нашли заколку?

– Не исключено. Собственно, хоть я и не надеялся найти Алифанова так скоро, но именно его и искал. Никто лучше Виктора не покажет дорогу.

Лиза безвольно кивнула.

– Пообещайте, Алекс, что если... если вы что-то там найдете, то скажете мне непременно, – попросила она.

– Хорошо. Но и вы пообещайте, что расскажете все, что об этом украшении знаете. И не забудьте надеть кольцо.

Лиза снова кивнула, уже чуть более осмысленно.

После, когда Алекс ушел, она еще долго стояла возле резного паркового забора и глядела вслед трем мужчинам: этот полицейский, Кошкин, вкрадчиво объяснял что-то поникшему Виктору, а Алекс, заложив руки за спину, обособленно шагал следом.

Даже рядом с этими двумя он как-то незримо, но выгодно выделялся. Если Алекс и правда любил эту безголосую певицу, а она его отвергла – то она не только безголосая, но и дура к тому же... жаль, что он этого до сих пор не понимает.

Лиза посмотрела на подаренное кольцо, но надеть на палец так и не захотела. Убрала в карман со смесью досады и недовольства собой. Снова нашла глазами троицу, удаляющуюся по Гимназической набережной, и подумала, что этому солдафону Кошкину она ни капли не верит: она вообще не верила полицейским! А вот Алексу, возможно, стоило сказать правду... Сказать, что к ее матери заколка никакого отношения не имеет.

Глава 6. Алекс

В сторону Шарташей выдвинулись следующим утром.

Накануне до позднего вечера оговаривали план, готовили снаряжение, теплую одежду, лошадей и сани. Поначалу Виктор Алифанов участвовать в авантюре наотрез отказался: твердил, что земля мерзлая, что их всего трое и что затея эта – чистое безумие. Как иголку в стог сена искать. Но после Алекс дал понять, что неловкая сцена в беседке Кулагиных, которую застал он нынче утром, ничего меж ними не меняет, – и Алифанов чуть оттаял. Посоветовал идти на снегоступах вместо лыж, как частенько делают местные охотники, и таки взялся показать дорогу.

И все же следующим утром, в противовес по-весеннему ясной погоде, что у Кошкина, что у Алифанова настрой был мрачнее тучи. Один лишь Алекс, сидевший на козлах рядом с извозчиком, не раз ловил себя, что откровенно наслаждается и здешними красотами, и звенящей тишиной леса, и неоправданно радостным щебетом птах. Мыслями, однако, он был далеко и сам не замечал за собою, как то и дело улыбается.

«Какая же она, в сущности, еще девчонка, – думал он, вспоминая давешний их разговор с Лизою. – Тоже мне суфражетка... Краснеет, как гимназистка, а иной раз и глаз от пола волнуется поднять. Смех, да и только!»

Удивительно, но после того, как сделал предложение Лизе, Алекс впервые за долгое время почувствовал себя спокойно. Это был странный и нелогичный порыв, который он даже сам себе объяснить не мог, но отчего-то у него было стойкое ощущение, что он наконец-то поступил правильно.

– Стой! – Алифанов тронул за плечо извозчика и объявил: – Дальше пешком идти надо – вон по той тропке меж соснами и вниз за озеро.

Извозчик остался караулить лошадей и сани, а они трое обрядились в снегоступы, взяли палки, лопаты, Кошкин перебросил через плечо мешок с мелкой утварью – и тронулись. В пути Алифанов попытался подобострастно, как барышне, уступить ему дорогу, что Алекса вконец разозлило:

– Прекратите, Виктор, ей-богу! Не то поспоримся!

Тот вымученно улыбнулся:

– Вы зла не держите, Алекс, я ведь не знал ничего... Мне вот-вот перед выходом от Елизаветы Львовны письмо доставили, где она объясняется за вчерашнее и пишет, что вы с нею обручены. Богом клянусь, я о том и не подозревал прежде! Ежели б знал, ни за что бы не позволил себе тот наш разговор и... остальное все.

Алекс машинально отметил, что о помолвке Лиза первым сообщила Виктору, но виду не подал. Бросил лишь:

– Пустое все. Забыто. – И попытался переменить тему: – Скажите лучше, почему люди этих мест сторонятся? Красота же вокруг!

Алифанов многозначительно хмыкнул и мотнул головой в сторону:

– Скоро сами увидите: дорога как раз мимо лежит.

– Мимо чего? – мрачно уточнил Кошкин.

Но на этот вопрос Алифанов не ответил, посоветовал меньше разговаривать, а поторапливаться.

Дальше долго шли молча: Алифанов впереди, за ним Алекс и Кошкин – замыкающим. В низине, к северу от их пешего маршрута, различалось покрытое коркой льда и засыпанное снегом озеро затейливой формы бобового плода. Шарташ – как Алекс догадался и сам. Поначалу пейзаж мало отличался от виденного прежде: снежная целина вокруг, пригорки, неглубокие

овраги да вековые, искрящиеся на морозе сосны, что упирались верхушкой в лазурно-голубое небо. Однако чем дальше вел их Виктор, тем чаще стали попадаться не просто пригорки, а внушительных размеров каменные глыбы.

В глыбах⁵, хоть они и были щедро припорошены снегом, отлично виднелась удивительная их структура: плоские, широкие, будто блины на Масленицу, они слоями укладывались друг на дружку. Не веря своим глазам, Алекс даже отбил от компании и подошел – варежкой из дубленой кожи отер снег с одной из глыб. Швы меж камнями оказались ровными и настолько тонкими, какими не всегда бывают в кирпичных городских домах.

– Кто это строил? – спросил он, но дождался от Виктора только сдавленного смешка.

– А там что? – Кошкин, козырьком приложив руку, глядел вдаль.

Алекс обернулся было – и на миг лишился дара речи. Посреди затянутого льдом пруда на высоком камне стояла девушка в перепачканном грязью розовом платье. Белые как снег волосы безжалостно трепал ветер.

Еще миг – и все исчезло.

Алекс в панике оглянулся на товарищей, но те, хоть и смотрели туда же, девушку наверняка не видели. Их заинтересовало другое.

Алекс и сам уже разглядел, что пруд был непростым. Со всех сторон света спускались к нему удивительно ровные лесенки, выбитые в камне. Из льда же ввысь поднимались припорошенные снегом валуны красного с черным вкраплением цвета. Особенно выделялся один – высокий, гораздо выше остальных, с заостренной, глядящей в небо алой верхушкой. Явно рукотворный. Похожий то ли на языки пламени, то ли на...

– Каменный цветок⁶, – глухо подсказал Виктор. – Его кержаки так называют.

– Кто?

– Раскольники-староверы. Село у них на той стороне Шарташа, я рассказывал.

– Так это они сотворили? Сами кержаки?

Виктор качнул головой. Обернулся к северу и указал на едва заметный дым от печных труб, поднимающийся над озером Шарташ:

– Кержаки здесь расселились еще до того, как Екатеринбург основали. Слышали, наверное: после Никоновской реформы много таких сел стало появляться и на Урале, и в Сибири. Живут они тихо, обособленно... хотя богато живут, торгуют. Березовские золоторудные шахты – их рук дело. Так вот, кержаки пришли сюда в семнадцатом веке – а каменные гряды уже здесь стояли. Бог весть сколько стояли...

– Что же это тогда? Древний город, храм? – предположил Алекс. – Британские газеты то и дело пишут о подобных находках на севере Черного континента.

– Быть может, и город, – пожал плечами Виктор. – Под снегом не видать, но здесь всюду широкие, плоские, будто нарочно отесанные плиты – словно и впрямь руины древнего города. А к самому Шарташу – озеру – то там, то тут спускаются ступени, вырезанные в камне.

Алексу трудно было представить, как выглядит озеро летом, но сейчас оно представляло собой ледяную равнину, чуть подернутую с берегов желтым известняком.

– Откуда ж такое название – Шарташ⁷? – спросил он.

⁵ Сейчас описанная местность находится в черте города Екатеринбурга, является природной достопримечательностью и местом отдыха горожан.

⁶ Авторское допущение. Только в 1970-х гг. в окрестностях оз. Шарташ действительно был построен своеобразный каменный цветок из различных горных пород. Однако на этом месте прежде существовали гранитные каменоломни, и теоретически что-то подобное вполне могло быть.

⁷ Название водоема имеет самодийское происхождение – от Сор-То, «озеро на протоке». Позже было переосмыслено в тюркских языках (башкирами и татарами) как сложение двух тюркских корней: сары – «жёлтый», таш – «камень», в связи с оттенком прибрежных скал. Так объясняет значение слова А. К. Матвеев, советский и российский лингвист, в своих словарях, однако он добавляет, что происхождение топонима, возможно, также связано с башкирским словом «шар» – «болото» (которое также является рефлексом самодийского Сор).

Виктор пожал плечами:

– Право, я не лингвист... Знаю только, что таш с тюркских языков переводится как «камень». А шар, – Виктор вдруг рассмеялся, – может быть, именно шар и означает. Озера, что Большое, что Малое, округлой формы, и дно у них, говорят, как чаша. А кое-где, милый Алекс, здесь и валуны можно найти идеальной сферической формы. И я уж молчу про огненные шары, которые кержаки якобы видят в темные безлунные ночи восточнее озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.